
Л. В. СОКОЛОВА

Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»?

(В связи с новейшими работами о взаимоотношении
«Слова о полку Игореве» и «Задонщины»)

Сомнения в подлинности и древности «Слова о полку Игореве», высказывавшиеся в первой половине XIX в., почти совершенно прекратились после 1852 г., когда В. М. Ундольским был опубликован текст «Задонщины» — произведения о Куликовской битве 1380 г., которое имело много текстуальных параллелей со «Словом». ¹ Стало ясно, что «Слово» возникло раньше «Задонщины», созданной не позднее XV в.

Возрождение скептицизма в отношении древности «Слова» связано с предложением пересмотреть взаимоотношения его текста с текстом «Задонщины» и считать, что не «Задонщина» подражала «Слову», а, напротив, «Слово» подражало «Задонщине». Эту точку зрения в качестве предположения впервые высказал французский славист Луи Леже в конце XIX в., ² а развил ее другой французский славист, Андре Мазон, в 30—40-е гг. XX в. ³ Доказывая вторичность «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине», А. Мазон основывался на исследовании чешского ученого Яна Фрчека, писавшего о наличии двух редакций «Задонщины». ⁴ Зависимость «Слова о полку Игореве» от «Задонщины» доказывается, по мнению А. Мазона, тем, что оно якобы ближе к Пространной (по его мнению, позднейшей) редакции «Задонщины», а не к Краткой (по его мнению, первоначальной) редакции. ⁵

---

¹ Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю / Сообщено В. М. Ундольским; Предисл. И. Д. Беляева // ВОИДР. М., 1852. Кн. 14. Отд. II. С. I—XIV, 1—8.

² *Leger L. Russes et Slaves : Études politiques et littéraires.* Paris, 1890. P. 89—94.

³ *Mazon A. Le Slovo d'Igor.* Paris, 1940.

⁴ Исследование Яна Фрчека написано в 1930-е гг., опубликовано посмертно в 1948 г. См.: *Frček J. Zádonsťina, staroruský žalozpěv o bojí Rusů s Tatory r. 1380 : Rozprava literárně dějepisná : Kritické vydání textů.* Praha, 1948 (Práce Slovanského ústavu v Praze; Sv. 18). Текстологическое исследование Краткой и Пространной редакций «Задонщины» см. на с. 75—114, см. также с. 152—153 и др.

⁵ В настоящее время известно 6 списков «Задонщины»: 1) Кирилло-Белозерский список — РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086, л. 122—129 об. Сборник книгописца Ефросина. Сер. 70-х гг. XV в. (далее — К-Б, в цитатах сохраняются авторские обозначения списка: КБ, Кб и Кб); 2) Исторический второй список (отрывок) — ГИМ, Музейское собр., № 3045, л. 70—73 об. Кон. XV—нач. XVI в. (далее — И-2); 3) Исторический первый список (начало опущено писцом) — ГИМ, Музейское собр., № 2060, л. 213—224 об. Кон. XVI—нач. XVII в. (далее — И-1); 4) Список Ундольского — РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 169 об.—193 об. Сер. XVII в. (далее — У); 5) Ждановский список (отрывок) — БАН, 1.4.1, л. 30 об.—31. Вторая пол. XVII в. (далее — Ж); 6) Синодальный список — ГИМ,

Это и есть главный аргумент тех, кто считает, что не «Задонщина» вышла из «Слова», а «Слово» явилось подражанием «Задонщине». В связи с этим вопрос о взаимоотношении двух редакций «Задонщины» приобретает особую важность.

А. А. Зимин, следуя гипотезе А. Мазона, попытался текстологически обосновать первичность Краткой редакции, ее якобы почти полное тождество архетипному тексту памятника, создание Пространной редакции на основе Краткой и текстологическую зависимость «Слова» от Пространной редакции «Задонщины».⁶

По Зимину, история «Задонщины» такова: в конце XIV в. возникла устная «Задонщина» Софония Рязанца, затем в 70-е гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре старец Ефросин записал ее. Причем существовало по крайней мере два ефросиновских списка. Первый из них (недошедший до нас протограф Краткой редакции, он же — архетип «Задонщины») имел незначительные отличия от второго — сохранившегося Кирилло-Белозерского списка.⁷ В конце XV в. на основе Краткой редакции «Задонщины» возникает «Сказание о Мамаевом побоище», а уже на основе обоих этих текстов и Никоновской летописи создается якобы протограф Пространной редакции. Один из списков этой вторичной редакции (список С, который исследователь выделял в Синодальный извод Пространной редакции) позже (в XVIII в.) будто бы лег в основу «Слова о полку Игореве».

По мнению А. А. Зимина, «у нас нет никаких данных считать, что обе Задонщины восходят к какому-то особому архетипу, содержащему черты обеих редакций».⁸ Вторичные чтения в тексте К-Б по сравнению с текстом Пространной редакции А. А. Зимин объяснял дефектностью именно этого списка, но не Краткой редакции в целом: наличием в нем описок (типа «Ивана Дмитриевича» вместо «Дмитрия Ивановича»), механического пропуска (начало речи Дмитрия Ольгердовича), пояснительной вставки составителя списка (дата Куликовской битвы).⁹ Однако при реконструкции Краткой редакции А. А. Зимин исправил и многие другие чтения К-Б, в том числе внес

Синодальное собр., № 790, л. 36 об.—42 об. XVII в. (далее — С). Список К-Б представляет Краткую редакцию, списки У, И-1, И-2, Ж — Пространную редакцию, список С является, как теперь ясно, особой редакцией, объединившей чтения Краткой и Пространной редакций. Все списки изданы в сборнике: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла : К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535—556. Далее тексты цитируются по этому изданию. При цитировании опущены скобки, в которые публикатором текстов Р. П. Дмитриевой были заключены внесенные в текст выносные буквы и сокращения под титлом. В отдельных случаях мной изменена пунктуация. Мои пояснения в цитатах из древнерусских текстов заключены в квадратные скобки.

⁶ Зимин А. А. 1) Две редакции Задонщины // Тр. Московского гос. ист.-архивного ин-та. 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 17—54; 2) Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 84—104; 3) Слово о полку Игореве. СПб., 2006 (первый, краткий вариант этой книги был издан ротاپринтом в 1963 г. в количестве 101 экземпляра).

⁷ Полемизируя в 1964 г. с А. А. Зиминим на обсуждении его книги, О. В. Творогов отметил, что реальность существования протографа Краткой редакции ничем не доказывается. «Предположить его существование автору (А. А. Зимину. — Л. С.) пришлось потому, что Кирилло-Белозерский список имеет ряд дефектов». См.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве» : Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. статья, сост., подгот. текстов, коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010. С. 414, 600.

⁸ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 92.

⁹ Там же.

вставки по У и И-1.¹⁰ Остается неясным, как Ефросин, записавший, по мнению А. А. Зимина, устную «Задонщину», мог во втором своем списке сделать столько ошибок и пропусков.

Метод сопоставления А. А. Зиминим текстов двух редакций «Задонщины» вызвал критику Д. С. Лихачева и других ученых.¹¹

Р. О. Якобсон, основываясь на том, что списки К-Б и С имеют некоторые общие чтения, отличающие их от других списков, разделил списки «Задонщины» иначе: на две версии (*version*), к одной из которых отнес списки И-2, У, И-1, а к другой — списки К-Б и С.¹² Но, как справедливо заметил А. А. Зимин, «сходство С с И-1 и У неизмеримо больше, чем с К-Б: если в первом случае совпадают и композиция текста, и лексика, и стиль, и содержание, то во втором можно говорить только об отдельных словах и небольших оборотах».¹³

Р. П. Дмитриева в работе 1966 г. приняла деление списков «Задонщины», предложенное Якобсоном, но при этом уточнила картину взаимоотношения списков памятника. По ее мнению, первоначальная редакция «Задонщины» «дала два варианта текста», условно названные исследовательницей изводом Ундольского и Синодальным изводом.¹⁴ Общие вторичные чтения списков К-Б и С, по словам Дмитриевой, «говорят о том, что списки К-Б и С восходят к общему источнику (названному нами условно изводом Син), в котором уже были эти вторичные чтения».¹⁵ Однако при этом Р. П. Дмитриева пришла к выводу о «слиянии в списке С извода Син (*т. е. близкого к списку К-Б*) и одного из списков извода Унд (список типа И-1)». Она также отметила, что особенности списка С этим не исчерпываются, и отметила ряд дальнейших редакторских изменений в нем.¹⁶ По мнению исследовательницы, *основным* списком для составителя сводного текста был список извода Син (сходный с К-Б), а не извода Унд, поскольку ошибки не могут, по ее мнению, перенос-

¹⁰ Там же. С. 441—443.

¹¹ Д. С. Лихачев по поводу сопоставления А. А. Зиминим текстов Краткой и Пространной редакций «Задонщины» написал следующее: «Работа А. А. Зимина „Две редакции «Задонщины»“ не анализирует особенности и историю текста каждого списка. На первой странице как априорная высказывается та мысль, что список *Кб* представляет первую, древнейшую, краткую редакцию, а все остальные — позднейшую, полную. Далее вся обширная работа посвящена сравнению текста этой древнейшей редакции с текстом „полной редакции“ по эпизодам. Этот анализ состоит в том, что в каждом эпизоде по отдельности различными путями обосновывается одна мысль — текст *Кб* всюду, во всех случаях (вернее, во всех искусственно выделенных эпизодах), оказывается лучше, логичнее, „стройнее“, красивее, правильнее, чем текст „полной редакции“, взятой то по тексту одного списка, то по тексту другого» (Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджело Данти) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 166; То же см.: Лихачев Д. С. Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины»: (Об исследовании Анджело Данти) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 280—281).

¹² Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field // Ed. R. Jakobson, D. S. Worth. The Hague, 1963. То же в: Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4: Slavic Epic Studies. P. 540—602. Далее ссылки даются по этому изданию 1966 г.

¹³ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 140.

¹⁴ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 263.

¹⁵ Там же. С. 246—247.

¹⁶ Там же. С. 233—234.

ситься в сводный текст из дополнительного списка.¹⁷ Это текстологическое наблюдение особо подчеркнул и развил Д. С. Лихачев, сожалея, что он не отметил его в своей книге «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» (М.; Л., 1962).¹⁸

Выявив сводный характер Синодального списка, Р. П. Дмитриева тем не менее один из двух «изводов», к которым он восходил, назвала Синодальным. Именованное (хоть и условное) извода Синодальным без отнесения к нему сводного Синодального списка было неудачным (как, впрочем, и использование термина «извод»), оно ввело некоторых исследователей в заблуждение относительно ее точки зрения. Так, А. Г. Бобров утверждает, что Р. П. Дмитриева, впервые рассмотрев возможность контаминации в списке С, затем пришла к выводу, что «контаминация в списке С маловероятна».¹⁹ На самом деле свою точку зрения Р. П. Дмитриева четко сформулировала и позднее.²⁰ А. Г. Бобров пишет также, что Р. П. Дмитриева, выявив сводный характер списка С, продолжала, тем не менее, говорить о двух изводах — Ундольского и Синодальном. Между тем, по его мнению, «наличие контаминации текста в списке С делает предположение о существовании Синодального извода ненужным, поскольку все совпадающие или близкие чтения К-Б и С в таком случае объясняются не их общим происхождением, а прямым заимствованием текста, и тогда ничто не мешает возвести текст Краткой редакции непосредственно к архетипу „Задонщины“ без каких-либо промежуточных звеньев».²¹ Однако признание списка С сводным не отменяет существования двух вариантов текста первоначальной редакции. Р. П. Дмитриева выделяла Синодальный извод на основании общих чтений трех списков (не включая в них список С): во-первых, списка К-Б, во-вторых, списка, сходного с К-Б, который явился одним из протографов сводного текста (наряду со списком типа И-1), в-третьих, того списка, который послужил источником для создателя Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище». К этому Синодальному изводу (а через него к архетипу «Задонщины») Р. П. Дмитриева возводила все индивидуальные чтения в К-Б, близкие к чтениям «Слова о полку Игореве».²² Список К-Б, с ее точки зрения, представляет собой «дальнейшую переделку варианта „Задонщины“ по изводу Син».²³ В другой статье, опубликованной в том же сборнике 1966 г., Р. П. Дмитриева показала,

¹⁷ Там же. С. 222—223. Одной из таких ошибок К-Б, перенесенных в сводный текст, была, по мнению Р. П. Дмитриевой, синтаксическая несогласованность во фразе о русских князьях, которые были «никуда не избожены ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату...» (разбор этого фрагмента см. далее, табл. 7).

¹⁸ Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». С. 173, примеч. 23.

¹⁹ Бобров А. Г. «Заколдованный круг»: (О книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 72, примеч. 27.

²⁰ В работе 1976 г. она пишет: «...список С скорее всего представляет собой контаминацию двух списков разных изводов, кроме того, он содержит много и позднейших наслоений» (Дмитриева Р. П. Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1976. № 2. С. 90). Эта же точка зрения отражена в энциклопедической статье 1995 г.: «Список Син представляет собой сводный текст двух названных изводов с внесением позднейших изменений» (Дмитриева Р. П. Задонщина // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 203). Здесь и далее курсив в цитатах мой.

²¹ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 72.

²² Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 261—263.

²³ Там же. С. 263.

что список К-Б «Задонщины» — это индивидуальная переработка Ефросином текста своего протографа, сходная с переработкой им других произведений древнерусской литературы.²⁴

Контаминированный характер списка С вслед за Р. П. Дмитриевой отмечал и А. Данти, который при этом настаивал на том, что, «когда речь идет о многократной контаминации, <...> такие понятия, как основной источник и вторичный источник, принимают в высшей степени относительный характер <...>. Здесь можно применять лишь статистический анализ различий, условившись считать основным или первичным тот текст, который оказывается ближе всего по своей структуре или системе к контаминированному тексту».²⁵ Список С, позволяющий думать о «сборителе различий», — пишет А. Данти, — «статистически ближе к Унд <...>, чем к какому-либо вторичному источнику, близкому к Кб». Но поскольку С «вначале следует в основном Унд, постепенно удаляясь от него и заменяя его другим источником, нам неизвестным, каковым может быть также и фантазия переписчика», А. Данти склонен был рассматривать его не как результат контаминации, а как результат переработки, «независимую композиционную единицу»,²⁶ третью (вслед за Краткой и Пространной) редакцию «Задонщины».²⁷

По моему мнению, список С отражает два одновременных этапа редактирования текста «Задонщины»: контаминацию двух ранних редакций памятника (в недошедшей до нас Сводной редакции) и позднейшую переработку этого сводного текста, отраженную в списке С (назовем ее Синодальной редакцией «Задонщины»). Пословное сличение Краткой и Пространной редакций едва ли выполнено тем же книжником, который так свободно обращался с текстом своего протографа (особенно во второй части) и во многих случаях искажал его.

В первое десятилетие XXI в. появились работы А. Л. Никитина (2000),²⁸ М. А. Шибаева (2003)²⁹ и А. Г. Боброва (2008),³⁰ в которых признается сводный характер списка С (на мой взгляд, следует говорить о сводном характере протографа списка С) и в связи с этим вновь ставится вопрос о взаимоотношении двух ранних редакций «Задонщины». Названные исследователи вслед за Фречком, Мазоном и Зиминим приходят к выводу о первичности текста Краткой редакции по отношению к Пространной, о ее близости к архетипному, авторскому тексту «Задонщины».³¹ При этом вопрос о взаимоотношении

²⁴ Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина : (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 264—291. Важной для этой темы является вышедшая ранее статья Я. С. Лурье, наблюдения которого использованы Р. П. Дмитриевой. См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130—168.

²⁵ Данти А. О «Задонщине» и о филологии : Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 83—84.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 73.

²⁸ Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 231—241.

²⁹ Шибаев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29—40.

³⁰ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 65—118.

«Задонщины» со «Словом» решается М. А. Шибаевым и А. А. Бобровым иначе, чем А. Мазоном и А. А. Зиминим. Исследователи полагают, что оба памятника были созданы (или записаны) в одно время (около третьей четверти XV в.), в одном месте (в Кирилло-Белозерском монастыре) и одним человеком. По Шибаеву, этим человеком был монах Софоний, которому приписывается в рукописях создание «Задонщины», а по Боброву — монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин.³²

А. Л. Никитин и М. А. Шибаев признают, что список К-Б является дефектным (в нем отсутствует вторая часть, а первая сокращена и содержит некоторые ошибочные чтения),³³ но, подобно А. А. Зимину, верят в существование протографа К-Б, в котором дефектов К-Б не было. Этот протограф К-Б, восходящий к архетипу «Задонщины», они считают первичным по отношению к Пространной редакции.³⁴ Вторичность чтений Пространной редакции А. Л. Никитин пытался доказать на примере списка городов, к которым шла слава о победе Руси в Куликовской битве, а М. А. Шибаев ссылкой на якобы нелогичное упоминание моря в этом списке городов (неубедительность приведенных исследователями доводов покажем при рассмотрении этого фрагмента, см. табл. 14). Вторичные чтения в Пространной редакции действительно есть,³⁵ но это не доказывает ее вторичности по

³¹ Утверждение о первичности Краткой редакции высказывается и в недавно вышедшей книге С. Н. Азбелева (*Азбелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти : Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция.* СПб., 2011. С. 40—41).

³² Мысль о том, что «Слово» и «Задонщина» написаны в 90-е гг. XIV в. одним человеком, а именно Софонием, впервые высказана без серьезных обоснований профессором Воронежского гос. университета А. М. Ломовым в статье 2000 г. (*Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» : Диалогия Софония Рязанца? // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. I: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 38—60*) и повторена в его монографии «„Слово о полку Игореве“ и вокруг него» (Воронеж, 2010). Софонию атрибутированы А. М. Ломовым и многие другие древнерусские произведения, в том числе «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли».

³³ Впрочем, характеристика списка К-Б в работе М. А. Шибаева непоследовательна. Сославшись на А. А. Зимина, указавшего отдельные дефекты списка К-Б, не позволяющие признать его первоначальным, М. А. Шибаев пишет, что «текст, дошедший в К-Б, не может быть признан первоначальным еще и потому, что в нем отсутствует окончание» (с. 38). Выражение «еще и потому», казалось бы, указывает на то, что М. А. Шибаев присоединяется к приведенному им высказыванию Зимина о дефектности списка К-Б. Но далее следует противоречащее этой позиции заявление: «Однако сам список К-Б является автографом Ефросина и следов дефектности в этом списке не наблюдается» (с. 37—38). Список К-Б, по мнению М. А. Шибаева, «восходил непосредственно к архетипу Задонщины» (с. 38). В завершение своей статьи М. А. Шибаев делает иной вывод: «Архетипный текст Задонщины, вероятно, дошел до нас в сильно искаженном виде. Практически ни один список не донес до нас первоначальный текст Задонщины» (с. 57).

³⁴ Термин «Пространная редакция» М. А. Шибаев заменяет термином «редакция Ундольского», вероятно, в связи с тем, что он не использует термин «Краткая редакция»: вторая часть отсутствует, по его мнению, только в неоконченном списке К-Б.

³⁵ В связи с этим нельзя принять и точку зрения, противоположную точке зрения «скептиков», согласно которой Пространная редакция первична, а Краткая является вторичной по отношению к ней, ее сокращением. Эту точку зрения высказывал, например, А. А. Потехня (*Потехня А. А. «Слово о полку Игореве» : Текст и примечания. 2-е изд., с дополнением из черновых рукописей.* Харьков, 1914. С. 159—161), а затем (в споре с А. Мазоном) П. М. Бицилли (*Бицилли П. М. К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» : (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки к «Слову о полку Игореве».* Белград, 1941. Вып. 2. С. 2—3, 13—19) и В. Ф. Ржига (*Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. М., 1946. Вып. 1. С. 37*).

отношению к Краткой редакции. Как первичные, так и вторичные чтения может содержать и текст Пространной редакции, и текст Краткой редакции, при этом обе они независимо друг от друга могут восходить к недошедшему архетипу «Задонщины».

А. Г. Бобров в рецензии 2008 г. на книгу А. А. Зимина присоединился к выводу своих предшественников о сводном характере списка С, проиллюстрировав этот тезис текстологическими сопоставлениями, и принял деление списков памятника на две ранние редакции (Краткую и Пространную).

Отказавшись от доказательства первичности текста Краткой редакции (вероятно, считая этот тезис доказанным в рецензируемой им книге А. А. Зимина), А. Г. Бобров пытается объяснить текстологическую связь двух редакций «Задонщины» со «Словом» иначе, чем А. А. Зимин. Он напоминает, что, по мнению А. А. Зимина, объяснить ее можно «лишь двумя путями»: или тем, что «к Слову обращались дважды (т. е. составители и Краткой, и Пространной редакций), или тем, что Задонщина Пространной редакции явилась источником Слова».³⁶ Как известно, А. А. Зимин придерживался второго варианта, он считал, что «Слово» было создано на основе Пространной редакции «Задонщины». А. Г. Бобров предложенную Зиминим дилемму решает другим способом: он пытается доказать выдвигавшееся ранее Е. В. Барсовым³⁷ и М. Н. Сперанским в его незавершенной работе,³⁸ но решительно (хотя и бездоказательно³⁹) отвергнутое А. А. Зиминим положение: «Слово» дважды влияло на «Задонщину», при создании и Краткой, и Пространной редакций.⁴⁰ По мнению А. Г. Боброва, в 1470-е гг. любителем «баснословия» священноиноком Ефросином была создана Краткая редакция «Задонщины» (содержащая только первую часть), а в конце XV—начале XVI в. в том же Кирилло-Белозерском монастыре возникла Пространная редакция, создатель которой вновь обратился к произведению о походе князя Игоря.⁴¹

В рассуждениях А. Г. Боброва мы видим явное противоречие. С одной стороны, исследователь строит свою гипотезу о вторичном обращении автора Пространной редакции к «Слову», исходя из предложенной А. А. Зиминим дилеммы относительно связи «Слова» с двумя версиями «Задонщины» и основываясь вслед за А. А. Зиминим на предположении о прямолинейной

³⁶ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 88.

³⁷ См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 436—452.

³⁸ РГАЛИ, ф. М. Н. Сперанского, оп. 1, № 270, л. 6—6 об. См. об этом: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 412.

³⁹ Слабость позиции А. А. Зимина при отрицании самостоятельного (повторного) обращения к «Слову» автора Пространной редакции «Задонщины» отметил А. В. Арциховский при обсуждении ротапринтного варианта книги А. А. Зимина в мае 1964 г. См.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». С. 241—242.

⁴⁰ Этот вариант считал сомнительным еще А. А. Потебня. Он обосновывал мысль о первичности списка У по отношению к списку К-Б тем, что У ближе к «Слову», и поэтому полагать, что У возник из К-Б, можно лишь *при трудно допустимом условии*, что составитель У имел, помимо К-Б, и «Слово» (т. е. вторично обращался к «Слову»). См.: Потебня А. А. «Слово о полку Игореве». С. 159—161.

⁴¹ По предположению А. Г. Боброва, «из того же Кирилло-Белозерского монастыря в 1791 году сборник <...> со „Словом о полку Игореве“ попадает к А. И. Мусину-Пушкину, на основании чего можно полагать, что на протяжении по крайней мере трех веков (конец XV—конец XVIII века) манускрипт, содержащий Слово, находился в библиотеке этой обители» (Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 118).

зависимости Пространной редакции от Краткой. С другой стороны, он отмечает, что «варианты Пространной редакции не всегда вторичны по отношению к Краткой,⁴² <...> поэтому можно говорить, что они *независимо друг от друга восходят к архетипу Задонщины*, лучше сохранившемся в версии К-Б».⁴³

Но в таком случае А. Г. Бобров должен был исходить не только из предложенной А. А. Зиминим дилеммы, но рассмотреть и третий существующий вариант связи «Слова» с двумя версиями «Задонщины»: обе ранние редакции «Задонщины» независимо друг от друга восходят к архетипу памятника, и именно автор архетипа «Задонщины» обращался к «Слову о полку Игореве». Эту точку зрения высказывали в споре с А. Мазоном И. Н. Голенищев-Кутузов⁴⁴ и Н. К. Гудзий.⁴⁵ Она сформулирована в 1964 г. В. А. Кучкиным и О. В. Твороговым в отчете об обсуждении книги А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР. По их мнению, сравнительный анализ списков «Задонщины» между собой и сопоставление их со всеми списками «Сказания о Мамаевом побоище» позволяют утверждать, что «все дошедшие до нас списки „Задонщины“ должны восходить к одному общему тексту, объем которого точнее отражен в тексте так называемой Пространной редакции „Задонщины“». Отдельные же чтения более точно отражены как в списках этой Пространной редакции, так в ряде случаев и в Кирилло-Белозерском списке».⁴⁶

Итак, прежде чем рассматривать взаимоотношения «Задонщины» со «Словом», необходимо заново, с учетом последних работ и выдвинутых в них аргументов, рассмотреть вопрос о взаимоотношении версий «Задонщины», которое, по словам А. Г. Боброва, «не может считаться установленным», и решить, что представляет собой текст Краткой редакции. Для этого необходимо выяснить:

во-первых, можно ли считать текст списка К-Б (Краткой редакции) близким, почти идентичным архетипу «Задонщины»;

во-вторых, была ли в авторском тексте «Задонщины» отсутствующая в К-Б вторая часть текста, т. е. описание победы русских воинов на поле Куликовом;

в-третьих, чем объясняются изменения, внесенные в первоначальный текст «Задонщины» позднейшим редактором.

Рассмотрим каждый из этих вопросов поочередно.

⁴² А. Г. Бобров привел только один пример: «вои» в К-Б вместо первоначального «вотчины» в выражении «поганья татарове на поля на наши наступают, а вои наши отнимают» (К-Б, л. 126 об.) (Там же. С. 81).

⁴³ Там же. С. 88.

⁴⁴ И. Н. Голенищев-Кутузов первым указал на то, что к «Слову» оказывается ближе то один, то другой список «Задонщины». Причем в 6 случаях (по подсчету исследователя) к «Слову о полку Игореве» наиболее близок список К-Б. Это противоречило концепции А. Мазона, согласно которой автор «Слова» воспользовался одним списком позднейшей редакции «Задонщины». См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины» // Заметки к «Слову о полку Игореве». С. 49—55.

⁴⁵ *Гудзий Н. К.* Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 110 (Тр. каф. рус. лит-ры; Кн. 1). С. 154—172. Н. К. Гудзий отметил 15 случаев особой близости к «Слову» списка К-Б.

⁴⁶ [*Кучкин В. А., Творогов О. В.*] Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 126; републикацию см.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». С. 605.

I

В первой части исследования приведу несколько аргументов в пользу того, что текст К-Б не может рассматриваться как близкий, почти идентичный архетипу «Задонщины».

Аргумент I. Текст К-Б нельзя признать близким к архетипу памятника, поскольку в нем имеются серьезные ошибки, в том числе фактические, возникшие в результате переработки архетипа «Задонщины». Этих ошибок нет в соответствующих чтениях Пространной редакции, более точно отражающей в *этих случаях* текст архетипа.

Таблица 1

У

К-Б

[1-й фрагмент]

Тогда князь великийи Дмитрии Иванович воступив во златое свое стрѣмя и взем свои мечь в правую руку и помолися Богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает... (У, л. 179).

Тогда же князь великийи Дмитрии Иванович ступи во свое златое стремя, всѣдь на свои борзыйи конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востокъ *сентября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородицы* ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаеть... (К-Б, л. 126 об.).

[2-й фрагмент]

На том полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремѣли громаы величии. <...> *А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святыи Богородицы* (У, л. 182).

В Пространной редакции «Задонщины» указание на день, в который состоялась Куликовская битва, дано при описании боя: «А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святыи Богородицы». В Ефросиновском списке фрагмент, в котором читается эта фраза, опущен, а имевшееся в нем указание на *день битвы* перенесено в описание *выступления в поход* с добавлением числа (8 сентября) и заменой субботы на среду.⁴⁷ В результате этой редакторской правки в Ефросиновском тексте возникла фактическая ошибка: 8 сентября названо не днем битвы, а днем выступления в поход.⁴⁸ Между тем, согласно Летописной повести о побоище на Дону, многотысячная рать Дмитрия Ивановича выдвинулась из Коломны на юг 20 августа.

Внесение даты (8 сентября) в сцену выступления в поход и замена субботы на среду принадлежит, без сомнения, Ефросину, хотя он и знал, что 8 сентября — это дата Куликовской битвы. На это указывает следующее обстоятельство. «Задонщина» переписана Ефросином в сборнике К-Б 9 в середине 1470-х гг., за несколько лет до столетия Куликовской битвы. А на листе 263 об. того же сборника К-Б 9 Ефросин отметил столетие битвы записью, сделанной, вероятно, в 1480 г.: «В лѣт(о) 6888 сеп(тября) 8 *в среду* был

⁴⁷ В Сводном списке С в сцене битвы то же чтение, что в списке У, но с добавлением даты, читающейся в К-Б во фрагменте выезда войска в поход: «И билися из утра до полудня в субботу на Рожество святыя Богородица *месяца сентебра во 8 день*» (С, л. 40).

⁴⁸ Фразеологизмы «вступитъ в стремя», «всесть на конь» означали выступить в поход.

бои за Доном. В лѣт(о) 6988 сеп(тября) 8 ино тому прешло лет 100». Только у Ефросина в «Задонщине» 8 сентября соответствует среда (в Пространной редакции и других текстах о Мамаевом побоище днем битвы названа суббота). Как отметила Р. П. Дмитриева, «юбилейная» запись Ефросина на листе 263 об. показывает, что в ней 8 сентября тоже соответствует среда, следовательно, вставка даты в эпизод выезда войска в Краткой редакции принадлежит Ефросину, причем упоминание среды является не случайной ошибкой, а сознательной правкой самого Ефросина.⁴⁹ Предполагать же вслед за А. А. Шахматовым существование архетипа Краткой редакции, в котором этой перестановки даты не было, у нас нет оснований.

Вторичность текста К-Б очевидна и при упоминании в «Задонщине» предка князей, участвовавших в Куликовской битве.

Таблица 2

У	С	К-Б
<p>[1-й фрагмент] И рекше им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были⁵⁰ великого князя Владимира Киевскаго...» (У, л. 175).</p>	<p>[1-й фрагмент] И рече князь Дмитрей Иванович брату своему: «Князи есмо рускии, гнездо есмо князя Володимера Киевского, руского царя...» (С, л. 37 об.).</p>	<p>Тако рече князь великий Дмитрей Иванович свои братии, русскимъ княземъ: «Братъеца моя милая, русские князи, гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича» (К-Б, л. 124—124 об.).</p>
<p>[2-й фрагмент] И говорит ему князь великий Дмитрей Иванович: «Брате Владимиръ Андрѣевичъ, сами есми [себѣ два брата],⁵¹ а внуки великаго князя <i>Владимира Киевскаго</i>»⁵² (У, л. 179 об.).</p>	<p>[2-й фрагмент] И рече князь Дмитрей великий Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу: «Брате мильи, сами есмо себе два брата, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича» (С, л. 39).</p>	

⁴⁹ Р. П. Дмитриева пишет при этом: «Откуда Ефросин заимствовал этот день недели — неизвестно» (Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 265, примеч. 9). А. А. Шахматов предположил возможный источник неверного указания дня битвы. Дело в том, что в «Сказании о Мамаевом побоище» днем прибытия Дмитрия Ивановича с войском в Коломну названа суббота: «Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисиа Мурина». В Киприановской редакции «Сказания» (в составе Никоновской летописи) указано и число: «И прииде князь велики на Коломну в суботу, месяца августа в 28 день, на память преподобнаго отца нашего Моисеа Мурина». Но если 28 августа была суббота (в действительности 28 августа в 1380 г. приходилось на вторник), то 8 сентября приходилось на среду, как и указал Ефросин, любовь которого к разного рода подсчетам известна. См.: Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 185. В списках Печатного варианта Основной редакции «Сказания» днем прибытия Дмитрия Ивановича в Коломну названа среда 28 августа.

⁵⁰ В И-1 слова «были» нет.

⁵¹ Слова «себѣ два брата» вставлены мной по списку И-1, где читаем: «Брате князь Владимире Одрѣевичъ, сами себѣ есмя два брата» (л. 219). Ср. в С: «...сами есмо себе два брата».

⁵² В И-1 выделенные курсивом слова отсутствуют.

В Пространной редакции имеются две речи князя Дмитрия Ивановича, в которых он упоминает предков князей, участвовавших в битве. В одной речи он обращается *ко всем русским князьям*, участвовавшим в походе, и называет их гнездом великого князя Владимира Киевского. Во второй речи он обращается *только к брату*, Владимиру Андреевичу.⁵³ По списку У Пространной редакции в этом втором обращении он называет себя и брата также внуками Владимира Киевского (в И-1 указание на то, чьи они внуки, отсутствует). Однако в сводном списке С в этом втором обращении Дмитрия Ивановича звучит имя их реального деда — Ивана Калиты. На то, что это имя внес не составитель Синодального списка, указывают его ошибки: имя Ивана Даниловича Калиты искажено, а кроме того, он назван не дедом, а отцом двоюродных братьев.

Имя Ивана Калиты в этом втором обращении Дмитрия Ивановича (к брату) присутствовало, без сомнения, уже в архетипе «Задонщины», а позднее было заменено составителем Пространной редакции на имя Владимира Киевского, которое читалось в обращении ко всем князьям. В архетипе «Задонщины» в обращении Дмитрия Ивановича к брату читался, по всей вероятности, такой текст: «Сами есмь себѣ два брата, а внуки великаго князя Ивана Даниловича». На это косвенно указывает симметричное обращение Андрея Ольгердовича к своему брату Дмитрию (оно читается и в Краткой, и в Пространной редакциях «Задонщины»), в котором также называется имя их реального деда Едиманта (Гедимина): «Сами есмь себѣ два брата, а внуки есмь Едимантовы» (И-1, л. 217 об.).

Ефросин, создавая свою редакцию, опускает второе обращение Дмитрия Ивановича (к брату), а имя Ивана Калиты из этого обращения к брату вносит в обращение Дмитрия Ивановича ко всем русским князьям. В результате возникла грубая фактическая ошибка, указывающая на вторичность Ефросиновского текста: все князья — участники похода — названы гнездом не Владимира Киевского, как было первоначально, а гнездом Ивана Калиты. На самом деле ни белозерские, ни «верховские» князья (князья удельных княжеств в верховьях Оки, возникших как уделы Черниговского княжества) не были потомками Ивана Калиты. А вот «гнездом» Владимира Киевского, как их называют другие списки «Задонщины», они все без исключения являлись.⁵⁴ На это еще в 1958 г. указал

⁵³ В сводном списке С обе речи Дмитрия Ивановича обращены только к брату.

⁵⁴ С. Н. Азбелев по поводу обращения Дмитрия Ивановича ко всем князьям пишет, что при упоминании имени предка «оба указания (К-Б и Пространной редакции) фактически верны. Но если позднейшая замена имени ближайшего общего предка эпически значимым именем Владимира Святославича Киевского вполне естественна не только для соображений политического престижа, но и для закономерностей эпического творчества, то обратное объяснить трудно». Это рассуждение годится в отношении обращения Дмитрия Ивановича к своему брату, где одинаково верным является указание и на ближайшего, и на отдаленного предка. Составитель Пространной редакции так и поступил: заменил имя Ивана Даниловича в обращении Дмитрия Ивановича к брату именем Владимира Святославича. Но в обращении ко всем князьям, участвовавшим в походе, имя Ивана Даниловича является ошибочным и потому вторичным. На основании этого примера С. Н. Азбелев говорит о первичности Краткой редакции по отношению к Пространной, добавляя: «Существуют и другие достаточно веские аргументы в пользу первичности Краткой редакции, рассмотрение которых в нашу задачу не входит» (Азбелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти. С. 40—41).

А. В. Соловьев.⁵⁵ Это же отметили в 1967 г., возражая А. А. Зимину, считавшему чтение К-Б с упоминанием Ивана Калиты первичным, Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов.⁵⁶ Отвечая своим оппонентам, А. А. Зимин попытался доказать, что участвовавшие в битве ярославские и белозерские князья (а по «Сказанию о Мамаевом побоище» и Дмитрий Ростовский) «входили в „гнездо Калиты“», поскольку князья этих княжеств были женаты на дочерях Ивана Калиты: Федосья была выдана за князя Федора Романовича Белозерского, Марья — за князя Константина Васильевича Ростовского, Настасья — за князя Василия Васильевича Ярославского.⁵⁷ Однако этот довод нельзя принять. «Гнездо» в генеалогическом смысле составляют «птенцы» этого гнезда, прямые потомки основателя «гнезда» по мужской линии.

Следующий пример очевидной ошибки в К-Б на месте верного первоначального чтения списков Пространной редакции признается всеми исследователями.

Таблица 3

У	И-1	К-Б
И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабливай, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля русские наступают и <i>вотчину</i> отнимают» (У, л. 179 об.).	И молвяше брату своему: «Князь Дмитрей, не ослабяи, князь великыи, татаромь. Поганыи поля наступают, отгимають <i>отчину</i> нашу» (И-1, л. 218 об.).	...а ркучи такъ: «Господине князь Дмитрей, не ослабяи. Уже, господине, поганыя татарове на поля на наши наступают, а <i>вои</i> наши отнимають» (К-Б, л. 126 об.).

Вторичность, ошибочность чтения К-Б (вои вместо вотчины) очевидна. В архетипе «Задонщины» было, несомненно, слово «вотчины», как в списках У и И-1. Отнимать можно землю, а не воинов, которые эту землю (вотчину) защищают.⁵⁸ Ошибочное чтение К-Б попытался исправить составитель списка С или его протографа, заменивший слово «вои» словами «хоробрую дружину», а слово «отнимают» словом «побивают»: «Уже бо поганыи татарове поля наступают, а хоробрую нашу дружину побивают» (С, л. 39).⁵⁹

А. А. Зимин, признавая ошибочность чтения К-Б, считал его особенностью только этого списка, которой не было в предполагаемом им архетипе Краткой редакции.

Аргумент II. Некоторые явно вторичные чтения К-Б возникли в результате сокращения Ефросином текста своего протографа. Как показала Р. П. Дмитриева, текст в К-Б обнаруживает те же приемы редакторской работы Ефросина,

⁵⁵ См.: Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 195—196, примеч. 42.

⁵⁶ См.: Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» // Русская литература. 1967. № 1. С. 109.

⁵⁷ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 55.

⁵⁸ Ранее сходная фраза читается в К-Б верно, совпадая со списками Пространной редакции, см.: К-Б, л. 124.

⁵⁹ Составитель С или его протографа использовал при этом текст из второй части «Задонщины» — еще одно (третье) обращение Владимира Андреевича к Дмитрию Ивановичу со сходным выражением: «Уже бо поганые татары поля наступают, а храбую дружину у нас истеряли...» (У, л. 186 об.).

которые характерны для ефросиновских редакций и других произведений; прежде всего это сокращения текста протографа и перестановки. Причем, «применяя сокращения, Ефросин, как правило, не выбрасывает фактические сведения, он убирает некоторые подробности и отступления».⁶⁰ Р. П. Дмитриева показывает, что в списке К-Б «сокращения произведены путем изъятия отдельных отрывков, но нельзя сказать, что это механические случайные пропуски текста; делая их, редактор стремился сохранить логику изложения, однако <...> ему не всегда это удавалось».⁶¹ Приведу два примера неудачного сокращения Ефросином текста своего протографа.

Таблица 4

У

Молвяше Андрѣи Олгордович своему брату: «Брате Дмитриеи, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удалцов, а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские».

И рече ему Дмитриеи: «Братѣ Андрѣи, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича.

Уже бо, брате, стук стучит а гром грѣмит в каменном граде Москвѣ. Это,⁶² брате, стучит великая сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, гремят⁶³ удалцы русские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими.

Сѣдлай, брате Андрѣи, свои доброи конь, а мои готов, осѣдлан. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати» (У, л. 176—176 об.).

К-Б

Молвяше Андрѣи к своему брату Дмитрею: «Сама есма два брата, дѣти Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы.

Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испнемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя.

Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славноѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремять удалци золочеными шеломы, черлеными щиты.

Сѣдлай, брате Ондрѣи, свои борзи комони, а мои готови, напреди твоих осѣдлани» (К-Б, л. 124 об.—125).

Ефросин убрал начало ответной речи Дмитрия Ольгердовича. Весь этот отрывок стал читаться как речь одного Андрея. В результате сокращения в тексте появилась ошибка. Ефросин не обратил внимания на то, что в конце

⁶⁰ Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 285.

⁶¹ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 256.

⁶² Исправлено мной; в тексте «что», в И-1 нет.

⁶³ Исправлено по И-1; в тексте «гремят».

речи Дмитрия повторяется имя Андрея. Таким образом, в Ефросиновском списке речь Андрея Ольгердовича обращена к самому себе. Опять-таки у нас нет оснований полагать вслед за А. А. Зиминим, что существовал архетип Краткой редакции, в котором этой ошибки не было.

Пример сокращения Ефросином полного текста «Задонщины», в результате которого в тексте К-Б появились неувязки, нелогичность, находим и в другом месте — в предисловии к «Задонщине».

Сопоставим этот текст по К-Б и У (в И-1 текст неполный, он начинается со слов: «и потом списах жалость и похвалу...»).

Таблица 5

У

К-Б

[Вставка автора Пространной ред.]

Князь великий Дмитрие Иванович с своим братом с князем Владимиром Андрѣвичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю.

[Пролог]

Поидем, брате,⁶⁴ тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от негоже родися русь преславная [в Ж православная]. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного⁶⁵ Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии [в Ж жребия] Симова, сына Ноева, от негоже родися хиновя поганые, татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля съдить невесела, а от Калатѣския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты [поминаючи?]: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру христьянскую, собѣ бы [бо?] чая⁶⁶ пороженных и воскормленных.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от книг приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондрѣвичю.

Поидемъ, брате, в полунощную страну жребии Афетову, сына Ноева, от негоже родися русь преславная. Оттоле взыдемъ на горы Киевскыя.

Первѣе всѣхъ, вшедь,

⁶⁴ Вероятно, первоначальное слово «братия» было заменено в Пространной редакции на «брате» в связи со вставкой в начало вступления речи Дмитрия Ивановича на пиру с обращением «брате». Пролог стал осмысляться как продолжение этого обращения к брату.

⁶⁵ Исправлено по Ж; в тексте «с равнаго».

⁶⁶ Исправлено по Ж; в тексте «чаем». Фраза «собѣ бы чая пороженных и воскормленных» относится, без сомнения, к предшествующему тексту о князьях и простых воинах, храбро сражавшихся в боях с ордынцами и павших на полях битв за Рускую землю, *чая* (т. е. полагая, считая) *себя* [ею] *порожденными и вскормленными*.

[Зачин]

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребии и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу, и брату его князю Владимиру Андрѣвичю.

И рцем таково слово: «Лудчи бо нам, брате,⁶⁷ начати повѣдати иными словесы от похвальных сихъ и о[т] нынешних повѣстех⁶⁸ похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣвича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам.

Не проразимся мыслию но землями,⁶⁹ помянем первых лѣт времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве.

Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславьевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю.

Аз же помяну резанца Софония и восхваляю пѣснями, гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго, [в И-1 далее: занеже отпало мужество их] и пѣние⁷⁰ князем руским за вѣру христианскую.⁷¹

А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 [в И-1 и С — 160] лѣт (У, л. 169 об.—172 об.).

восхвалим вѣщагого [так!] Бояня, в городѣ в Киевѣ гораздо гудца.

Тои бо вѣщии Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю,

восхваляя ихъ пѣсми и гусленными буйными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣвича, занеже ихъ было мужество и желание за землю Русскую и за вѣру христианскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища (К-Б, л. 122 об.—123).

⁶⁷ В данном случае также очевидно, что в архетипном тексте «Задонщины» было обращение «братия», как читается чуть ранее: «Снидемся, братия и друзи».

⁶⁸ Слов «сихъ и» в И-1 нет. Вероятно, в архетипе читалось «от похвальных от нынешних повѣстех». Смысл фразы, как представляется, такой: следует нам слагать похвалу Дмитрию Ивановичю иначе, нежели в нынешних похвальных повестях (по всей видимости, именовались в виду Летописная повесть о Куликовской битве и «Сказание о Мамаевом побоище»).

⁶⁹ Вероятно, искаженное «Но проразимся мыслию над землями»; «проразитися» означает здесь «устремитися, пронестися».

⁷⁰ Вероятно, искаженное «желание» (так в К-Б).

⁷¹ В списке У Пространной редакции пропущены слова, заключенные в квадратные скобки, и смысл фразы поэтому неясен. Испорчено это чтение и в списке И-1, но здесь имеется начало фразы, отсутствующее в У: «Занеже отпало мужество их и пѣние их и князем руским за землю Рускую и за вѣру крестьянскую». В первоначальном виде это чтение сохранилось в списке К-Б: «Занеже ихъ было мужество и желание за землю Русскую и за вѣру христианскую». Как видим, на месте искаженного «отпало» в К-Б читается правильное «было». В списке С приведены оба слова (вероятно, сводчик разночтений не решил для себя, какое чтение первоначальное — «отпало» или «было»): «занеже отпало было мужество князем руским». Относится эта фраза не к воинам Калкской битвы, как полагал О. В. Творогов (см.: Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 530), а к героям именно Куликовской битвы. В авторском тексте, вероятно, читалось: «Аз же помяну резанца Софония и восхваляю пѣснями, гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, занеже ихъ было мужество и желание [постоять] за землю Рускую и за веру христианскую».

А. А. Зимин не понял смысл приведенного предисловия. Этот фрагмент использован им как доказательство первичности текста К-Б. Он пишет: «Введение Краткой „Задонщины“ отличается лаконизмом и ясностью <...>. В списках Пространной „Задонщины“ введение крайне запутанно. <...> Первичность введения К-Б сравнительно с другими списками „Задонщины“, на наш взгляд, очевидна».⁷² Та же мысль высказана и в книге А. А. Зимина, в которой автор пишет о «структурных несообразностях» в Пространной редакции, будучи уверенным в том, что «компилятивность, искусственность структуры введения Задонщины по списку У Пространной редакции вряд ли может быть оспорена», тогда как «К-Б <...> сохранил первоначальный и вполне логичный зачин произведения».⁷³

По моему мнению, приведенный в табл. 5 текст предисловия в Пространной «Задонщине» (без начальной фразы о пире⁷⁴) является неотъемлемой и органичной частью авторского текста «Задонщины». Это вступление к произведению, в котором выражен замысел его автора; оно состоит из двух частей: пролога и зачина.⁷⁵ В прологе автор вспоминает беды Русской земли, начавшиеся на Каяле в 1185 г. и усугубившиеся после трагедии на Калке. Он объявляет идею своего произведения — противопоставить печальное прошлое Русской земли настоящему, в котором появился повод для радости и похвалы русским князьям и воинам.

Пролог отделяет от зачина фраза, до сих пор смущающая исследователей: «Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Одрѣевичю». На основании этой фразы некоторые исследователи предполагали, что автор «Задонщины» ссылается на какое-то свое ранее написанное (или переписанное им⁷⁶) произведение («преже восписах жалость

⁷² Зимин А. А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины». С. 86—87.

⁷³ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 40, 41.

⁷⁴ О. В. Творогов убедительно доказывает вторичность этого фрагмента. См.: Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 526—527. А. А. Зимин полагал, что фрагмент о пире, которого не было в архетипе Краткой редакции, внесен в Пространную «Задонщину» из «Сказания о Мамаевом побоище» в составе Никоновской летописи (Киприановская редакция «Сказания»). По мнению исследователя, в «Задонщине» «фраза как бы повисает в воздухе, ибо она не связана с текстом введения», а в «Сказании» «ее контекст логичен»: получив на пиру у Микулы Васильевича сведения о движении Мамаю, великий князь отдает распоряжение «сторожу уготовити крепку в поле». См.: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 43. (Отметим, что упоминание пира у Микулы Васильевича, на котором русские князья и воеводы «здумаша <...> сторожу уготовити твердо в поли», есть уже в варианте Ундольского Основной редакции.) Л. А. Дмитриев допускал четыре различных варианта соотношения рассказа о пире «Задонщины» и «Сказания» (в том числе заимствование из «Задонщины» в «Сказание» и из «Сказания» в поздние списки «Задонщины»), не отдавая какому-либо из них предпочтения. См.: Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 418—419. Ясно одно: составитель Пространной редакции решил приблизить повествование «Задонщины» к былинам, где действие часто завязывается на пиру у князя.

⁷⁵ По мнению О. В. Творогова, в тексте вступления есть позднейшие вставки и перестановки. См.: Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 526—527. На мой взгляд, дошедший текст не нуждается в реконструкции, позднейшей вставкой Пространной редакции являются лишь начальная фраза — о пире у Микулы Васильевича.

⁷⁶ Р. О. Якобсон, например, считал, что под «жалостью» имеется в виду «Слово о полку Игореве», переписывавшееся вместе с «Задонщиной» и составлявшее с ней диптих. Он пишет: «Последняя (т. е. «Задонщина». — Л. С.) была задумана и написана как вторая часть

земли Русские»). Скорее, однако, автор имеет в виду уже написанную им часть вступления (пролог), в которой вспоминает беды Русской земли.⁷⁷ При этом он ссылается на источники, использованные им при написании «жалости земли Русские», — «от книг приводя». Что это за книги (т. е. произведения)? Исследователи указывали на то, что в прологе используется «Повесть временных лет» (противопоставление Иафетова и Симова жребиев). Возможно, автор указывает здесь на свое знакомство и с другими произведениями о бедах Русской земли.

Далее следует зачин произведения (нач.: «Снидемся, братия и друзи...»), в котором автор рассуждает о том, каким должно быть его произведение.⁷⁸ В начале он формулирует цель своего произведения: «составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребии и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу, и брату его...». После этого обозначения цели своего произведения автор сообщает читателям (слушателям) о том, как он собирается сложить свою «похвалу». Подобно автору «Слова о полку Игореве», он собирается правдиво рассказать о битве с Мамаем, «повѣдати по дѣлом и по былинам». Как поэтов-предшественников, слагавших свои произведения песенными «гусленными словесы», он вспоминает вслед за «Словом о полку Игореве» Бояна («горазна [так в У] гудца в Киеве»), а от себя («Аз же помяну...») — рязанца Софония.

Завершается вступление к «Задонщине» указанием на то, сколько лет прошло от битвы на Калке, положившей начало завоеванию Руси татарами, до первой значительной победы над ними русских — Мамаева побоища, Куликовской битвы, которой и посвящена «Задонщина».

Как видим, текст вступления в Пространной редакции осмыслен автором, логичен, последователен и важен для понимания следующего далее произведения. В К-Б текст вступления значительно сокращен, в связи с чем искажен. О вторичности текста предисловия в К-Б, о сокращении в нем первоначального текста свидетельствуют следующие факты.

В начале предисловия составитель К-Б вслед за своим протографом приглашает пойти в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от которого пошла русь (т. е. русские) преславная (в Ж, вероятно, первичное чтение — православная). А «оттоле» (т. е. из полунощной страны, жребия Афетова) предлагается взойти на горы Киевские. Но Киевские горы — это и есть жребий Афета (Иафета). Ошибочное «оттоле взыдемь на горы Киевская» появилось в результате неудачного изменения в К-Б фразы архетипа «Задонщины», отраженной в Пространной редакции: «И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от негоже родися хиновя поганые...»

диптиха. Автор сам говорит во вступлении: „Сперва я списал Жалость земли Русьские“ (т. е. Слово о полку Игореве), „потом же я написал Жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его — князю Владимиру Андреевичу“ (т. е. Задонщину)» (Jakobson R. Роль языкознания в экзегезе Слова о полку Игоревѣ // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 4. P. 519).

⁷⁷ О. В. Творогов пишет, что в этом эпизоде автор «не только характеризует различия между предыдущей „жалостью“ и следующей далее „жалостью и похвалой“, но и сообщает о последовательности своей работы над текстом: „преже восписах“ — „потом же списах“». Однако эту фразу О. В. Творогов считает позднейшим добавлением в первоначальный текст (Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 528), с чем нельзя согласиться.

⁷⁸ Некоторые исследователи (Н. К. Гудзий, В. Ф. Ржига, О. В. Творогов) полагали, что именно этим зачином начинался авторский текст «Задонщины». См., в частности: Там же. С. 530.

(т. е. от жребия Афетова предлагалось перейти мысленно к жребию Симову). Фраза о полунощной стране жребия Афетова повисает в К-Б в воздухе без упоминания «восточной страны жребия Симова», противопоставленной жребию Иафета в Пространной редакции «Задонщины». Это говорит о неудачном сокращении в К-Б текста протографа.

Вторая нелогичность возникла в предисловии К-Б также в результате редакторской правки Ефросина. Ссылка на Софония как на предшественника, имеющаяся в списках Пространной редакции, в К-Б была опущена (имя Софония перенесено Ефросином в заглавие произведения как имя его автора), в результате чего восхваление героев Куликовской битвы князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича оказалось приписано тоже Бояну, причем с ошибкой в согласовании: Боян поет славу старым князьям, «восхваляя их пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича...» (вместо ясного текста Пространной редакции: «Аз же помяну резанца Софония и восхвалю [подобно ему] пѣснями, гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича»). Интересно, что при реконструкции Краткой редакции А. А. Зимин исправляет это место по И-1 и по У, предлагая такой реконструированный текст со своими подстрочными комментариями (приведу их в скобках): «...Ярославу Володимировичю. *Я же* (так И1. К-Б нет) *восхваляю* (так У. К-Б *восхваляя их*) песни и гуслеными буйными словесы *и сего* (так И1. К-Б *на русскаго*) господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича...».⁷⁹ Как видим, А. А. Зимин использует недозволенный текстологический прием: он реконструирует испорченный текст К-Б по спискам Пространной редакции, выдавая исправленный им текст за первоначальный по отношению к тому, по которому его исправил.

Третий случай порчи первоначального текста в результате редакторской правки Ефросина мы видим в заключительной фразе предисловия. В первоначальном тексте «Задонщины» была ясная фраза, завершающая предисловие и содержащая противопоставление начала татаро-монгольского ига первой значительной победе над татарами: автор сообщал, что «от Калатские рати» (т. е. битвы на Калке) до Мамаева побоища прошло 170 лет (в И-1 — 160 лет, точно — 157). В списке К-Б находим вместо этого незаконченную фразу: «От *той рати* и до Мамаева побоища». При этом непонятно, о какой рати идет речь, ведь до этого в списке К-Б не было упоминания ни о какой битве.⁸⁰

Как отмечали оппоненты А. А. Зимина, «эти алогизмы можно было бы отнести к числу случайных дефектов текста, если бы не примечательный факт: все они находят объяснение именно как следы сокращения, которому был подвергнут в К-Б полный текст».⁸¹ Отмеченные случаи явной порчи пер-

⁷⁹ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 441.

⁸⁰ Не получается осмысленного текста и в том случае, если словосочетание «от той рати и до Мамаева побоища» присоединить, как это делает А. А. Зимин, к предыдущему предложению: «...[восхваляя их пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одрѣевича], занеже их было мужество и желание за землю Русьскую и за вѣру христианьскую *от той рати и до Мамаева побоища*» (Там же). О какой рати идет речь — и в этом случае непонятно.

⁸¹ Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». С. 108.

воначалного текста предисловия автором Краткой редакции не позволяют согласиться с А. А. Зиминим, утверждавшим, что введение отличается в К-Б «лаконизмом и ясностью», а в Пространной редакции «крайне запутанно». Напротив, Пространная редакция гораздо лучше передает первоначальный текст, представляющийся мне осмысленным и крайне важным: автор говорит в нем об идее, цели своего произведения и о том, каким оно будет. Как известно, подобное вступление есть и в «Слове о полку Игореве». ⁸² Ефросин же сократил текст вступления ⁸³ по причинам, о которых будет сказано далее.

Аргумент III. Вторичный характер некоторых чтений списка К-Б очевиден в ряде случаев в тех фрагментах, которые были заимствованы автором «Задонщины» из «Слова о полку Игореве». При этом К-Б, перерабатывая архетип «Задонщины», чаще всего отдалается от чтений «Слова». Это особенно важно подчеркнуть, учитывая, что и А. Л. Никитин, и А. Г. Бобров не подвергают сомнению первичность «Слова» по отношению к «Задонщине», считая при этом текст Краткой «Задонщины» первичным по отношению к Пространной.

А. Г. Бобров считает «уязвимым местом» в позиции сторонников древности «Слова» желание непременно обнаружить в реконструируемом архетипе «Задонщины» все общие чтения с произведением о походе Игоря, что якобы «приводило к подчеркиванию близости к архетипу чтений Пространной редакции и к попыткам „обесценить“ (термин А. Данти) список К-Б». По его словам, «для преодоления текстологических препятствий была выдвинута гипотеза об общем происхождении К-Б и С, но А. А. Зимин и другие авторы показали ее уязвимость». ⁸⁴ Однако признание Синодального списка поздним, обработкой Сводной редакции, текстологической картины не меняет, а только облегчает работу текстолога. Чаще всего первоначальные чтения «Задонщины» не передает в точности ни Пространная, ни Краткая редакция. Архетипные чтения могут быть восстановлены с известной долей вероятности лишь на основании чтений обеих редакций. Покажем это на ряде примеров.

Таблица 6

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
А мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлелѣяны, конецъ копия вѣскорѣмленни (с. 46). ⁸⁵	[1-й фрагмент] Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномѣ времени, ведоми полководицы, под трубами и под шеломи возлеліяны в Литовьскои земли (И-1, л. 217).	Ти бо бѣше сторожевыя полки на щитѣ рожены, под трубами поють, под шеломи възлелѣяны, конецъ копия вѣскормлены, с востраго меча поены в Литовьскои земли (К-Б, л. 124 об.).

⁸² См., в частности: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 65—74.

⁸³ Подобное сокращение Ефросин сделал и при переписке «Истории Иудейской войны»: он опустил авторское отступление о том, как много бед претерпел Иерусалим во время осады. См.: Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 286.

⁸⁴ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 98.

⁸⁵ Памятник цитируется по изданию: Слово о полку Игореве / Сост., подгот. текстов Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.). В отдельных случаях мной изменена пунктуация в цитатах.

Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратномъ времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли (У, л. 175 об.—176).

[2-й фрагмент]

Пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми...
(с. 46).

Поганый *путь имь знаемъ*
вельми, а перевозы имь изготовлены... (И-1, л. 219).

А. А. Зимин утверждает, что здесь первоначален текст К-Б, на основе которого возникла Пространная редакция «Задонщины», а уже на ее основе создано «Слово». Исследователь не принял во внимание, что в этом фрагменте «Слова» использована дружинная формула, характеризующая опытного, «образцового» воина, рожденного и воспитанного с пеленок в дружинной среде.⁸⁶ В «Слове» говорится о курянах-кметях: «Подъ трубами повиты, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскорѣмлени». Автору «Задонщины» эта дружинная формула уже неизвестна, и потому она искажается, как будет показано далее.

А. Г. Бобров предполагает здесь, как и во всех других случаях, такую зависимость текстов: «Слово» → Краткая редакция → Пространная редакция (с повторным обращением к «Слову»). Такая история данного фрагмента представляется абсолютно невозможной, поскольку в этом случае необходимо допустить, что текст К-Б переработан составителем Пространной редакции странным образом: при сверке со «Словом о полку Игореве» в него было внесено слово «ведомы», но при этом опущена фраза «Слова», присутствующая в К-Б: «конецъ копия вскормлени».

В данном случае очевидно, на мой взгляд, существование общего архетипа Краткой и Пространной редакций, в котором было наибольшее количество заимствований из «Слова». Текст «Слова», отраженный в архетипе «Задонщины», в одном случае сохраняется в Пространной редакции (в И-1 читается отсутствующее в К-Б слово «вѣдомы», а также фраза «путь имь знаемъ»), в другом случае — в К-Б (здесь читаются отсутствующие в И-1 слово «поють» (искаженное «повиты») и фраза «конецъ копия вскормлени»). Вероятно, в архетипе «Задонщины» читался такой текст: «Тѣ бо [братья Ольгердовичи] суть ведомы полковидцы, под трубами повиты, под шеломы възлелѣяны, конецъ копия вскормлени в Литовской земли».

В архетипе Пространной редакции определение Ольгердовичей — «ведомы полковидцы» — распространено («тѣ бо суть *сынове храбрии, кречати в ратномъ времени*, ведомы полковидцы»), а дружинная тройственная формула (повиты—влелеляны—вскормлени) сокращена, в И-1 читается: «под трубами и под шеломы възлелеляны». Слово «повиты» (или уже искаженное «поют») здесь опущено, как и фраза «конецъ копия вскормлени».

⁸⁶ См. об этой дружинной формуле: Мулич М. И. «Конецъ копия въскрѣмлени...» // Культурное наследие Древней Руси : Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 55—58; Прийма Ф. Я. «А мои ти куряни свѣдоми кѣмети...» : (Опыт комментария) // Там же. С. 58—64; Михайлов А. Д. Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 87—90; Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве». С. 70.

В К-Б текст архетипа «Задонщины» претерпел следующие изменения: выражение «ведоми полковидцы», относящееся к братьям Ольгердовичам, заменено явно вторичным «сторожевые полкы», добавлена фраза «на щитѣ рожены», дублирующая выражение «под трубами *поют* (искаженное *повиты*, т. е. рождены)»; добавлена и фраза «с востраго меча *поены*», которая развивает поэтическую формулу дружинной поэзии «конец копия *вскормлены*», но выглядит при этом бессмысленно (можно ли пить с острого меча?). В результате внесенной правки в тексте К-Б возникла смысловая ошибка: речь идет уже не о братьях Ольгердовичах, действительно рожденных и воспитанных в Литовской земле, а о «сторожевых полках», сражающихся на Куликовском поле, которые по К-Б «взлелеяны в Литовской земле». К тому же литовские князья, судя по имеющимся сведениям, сражались не в составе Сторожевого полка.⁸⁷ Как видим, текст К-Б нельзя признать архетипным, учитывая явно вторичные чтения в нем и дублировки, которые А. Г. Бобров считает одним из признаков вторичности текста, ссылаясь на «Текстологию» Д. С. Лихачева.⁸⁸

Рассмотрим далее фрагмент, вызвавший оживленную полемику. По мнению А. Г. Боброва, это одно из самых трудных мест для текстологической интерпретации соотношения «Слова» и «Задонщины».

Таблица 7

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронь, поганьии половчине! (с. 47).	У: ...не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю (У, л. 175—175 об.).	Досюды есмя были, брате, ни куды не изобижены ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни тому псу поганому Мамаю (К-Б, л. 124 об.).
	И-1: ...ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю» (И-1, л. 217).	Ср. в С: Доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Момаю (С, л. 37 об.).

Пытаясь доказать первичность этого фрагмента в Краткой редакции, А. А. Зимин пишет: «Дмитрий Донской, обращаясь к князьям, говорит [в К-Б], что „досюды“ они не были изобижены Мамаем. По У получается, что русские князья „по рожению“ не были „в обиде“ на татар. Это более чем странно, ибо над Русью к 1380 г. татары властвовали уже около 150 лет».⁸⁹ Как видим, смысл высказывания Дмитрия Ивановича представляется Зимину удовлетворительным в К-Б и странным в У. Однако исследователь вольно передает смысл фраз. Имя Мамаю находим и в У, и в К-Б. По Зимину же получается, что, согласно К-Б, русские князья «досюды» (до Куликовской битвы) не были

⁸⁷ Все русское войско делилось на Большой полк, полки Правой илевой руки, Передовой и Сторожевой, а также Засадный. Относительно того, в каких полках сражались Андрей Ольгердович и его брат в Куликовской битве, в источниках отмечаются разночтения. По данным летописей Дубровского и Архивной, полки Андрея и Дмитрия Ольгердовичей входили в состав Передового полка. Согласно «Истории» В. Н. Татищева, Андрей был одним из воевод полка Правой руки, а Дмитрий командовал частным резервом позади Большого полка.

⁸⁸ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 94, примеч. 74.

⁸⁹ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 148.

изобижены *Мамаем*, а согласно У, «по рождению» (в понимании А. А. Зимина «от рождения») они не были в обиде на *татар*, что, разумеется, выглядит неправдоподобно после 150-летнего ига. Неверное толкование А. А. Зиминим фразы Пространной редакции объясняется и тем, что слова «по рождению» и «не в обиде» употреблены в ней не в тех значениях, которые приписывает им исследователь.

По моему мнению, автор «Задонщины» вслед за «Словом» имел в виду, что русские князья, «гнездо» Владимира Киевского, «по рождению» (т. е. по происхождению, по праву своего происхождения от знатного предка) не в обиде (не в обиду, не на обиду) были [предназначены] ни ястребу, ни соколу, ни черному ворону, ни поганому Мамаю (ср. в «Слове»: «гнездо» Олега «не было... обидь [на обиду] порождено»). Слово «обида» и в «Слове», и в «Задонщине» является термином, обозначающим нарушение права, несправедливость,⁹⁰ а не чувство обиды русских князей на татар, как думал А. А. Зимин. Автор не случайно употребляет дательный падеж (ни ястребу, ни соколу...), а не винительный (ни на ястреба, ни на сокола...), чего требует предложенная А. А. Зиминим интерпретация фразы («не были в обиде на татар»). А вот в соответствующей фразе К-Б смысл как раз такой, какой казался невозможным Зимину в авторском тексте «Задонщины». Действительно, невозможно допустить, чтобы после полуторавекового чужеземного ига Дмитрий Иванович говорил русским князьям, что они «*досюды* [т. е. до сего времени, до Куликовской битвы; в С «доселя»] есмь были <...> *никуды* (в С «ни от кого») не изобижены...».

О вторичности фразы из К-Б говорит также нарушение в ней грамматической согласованности. Если в Пространной редакции читается синтаксически правильный текст, то в К-Б первая часть предложения не согласована со второй: «Сказуемое, выраженное страдательным причастием „не изобижены“, должно бы требовать или творительного падежа, или родительного с предлогом „от“; вместо этого стоит дательный падеж — остаток прежней конструкции».⁹¹ (Эта ошибка К-Б была перенесена затем в свой текст «сводчиком разночтений» и отразилась в списке С⁹²).

Надо сказать, что исследователи, считающие Краткую редакцию первичной, признают, что текст К-Б в данном случае ошибочен, но при этом пытаются объяснить происхождение правильного чтения Пространной редакции

⁹⁰ Обида // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4. С. 10—13 (с большой цитатой из статьи Д. С. Лихачева, характеризующего слово «обида» как феодальный термин. См.: *Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве»* : Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 84—86).

⁹¹ *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 211; см. также: *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». С. 109—110.

⁹² Составитель сводного текста, отраженного в С, передал неясное чтение К-Б следующим образом: «*Доселя* есмь были не обижены *ни от кого*», сохраняя при этом синтаксическую несогласованность этой части фразы со второй: «ни ястребу, ни соколу...». Р. П. Дмитриева считала невозможным перенесение сводчиком в свой текст ошибки из дополнительного списка. Но, во-первых, как справедливо заметил А. Г. Бобров, оба списка в данном случае являлись для сводчика равноправными, а во-вторых, ошибочное чтение К-Б было избрано им (с попыткой исправления) в связи с тем, вероятно, что смысл фразы в И-1 (одним из протографов сводного текста был сходный с ним список) ему казался еще более непонятным, чем в списке Краткой редакции, так как в И-1 опущено слово «по рождению».

из грамматически несогласованного чтения Краткой правкой ошибочного текста составителем Пространной редакции.⁹³ Не логичнее ли рассматривать правильный текст первоначальным, авторским, а искажение его объяснять тем, что позднейший переписчик (редактор) неверно понял текст своего протографа?

А. Г. Бобров, исходя из своего представления о взаимоотношении «Слова» с двумя редакциями «Задонщины» («Слово» → К-Б → Пространная редакция), считает, что отсутствующие в Краткой (по его мнению, первоначальной) редакции слова «по рожению», «не в обиде», «черный ворон», перекликающиеся со «Словом» (первичным по отношению к «Задонщине», что признает исследователь), внесены в Пространную редакцию при вторичном обращении к «Слову». К этому выводу А. Г. Бобров приходит, анализируя перечисления в «Задонщине» охотничьих птиц. Упоминание в архетипе «Задонщины» в рассматриваемом фрагменте всех четырех птиц, названных суммарно в разных списках памятника (сокола, ястреба, кречета, черного ворона), представляется А. Г. Боброву невозможным, поскольку «нарушает не только „формулу Якобсона“ „three-bird, third with-color“, но и более общий, характерный для фольклора и средневековой литературы принцип троичности».⁹⁴ Поэтому исследователь полагает, что в архетипе не было черного ворона, который отсутствует в К-Б, а в Пространную редакцию он был внесен якобы при вторичном обращении к «Слову» (этот вывод автоматически распространяется затем на слова «по рожению» и «не в обиде»). Однако принцип троичности, характерный для фольклора, не является обязательным для средневековой литературы. Ошибочна в данном случае и ссылка на тройственную «формулу Якобсона», поскольку его наблюдение касалось только одного списка «Задонщины» — К-Б. Списки Пространной редакции этой формуле, как отметил и сам А. Г. Бобров, не отвечают. Не отвечал ей и архетип «Задонщины».

По моему представлению, упоминание охотничьих птиц в данном фрагменте претерпело вполне понятные изменения. В «Слове о полку Игореве» читается: «ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ — поганый половчине». В архетипный текст «Задонщины» к этому заимствованию из «Слова» был добавлен ястреб, а половчин заменен на Мамай: «ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону — поганому сему Мамаю». В архетипе Пространной редакции был убран «сокол» (редактор знал, что кречет — это тоже сокол), а «черный ворон» и «Мамай» разделены частицей «ни». Именно так читается в списке У: «ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю». В И-1, по сравнению с архетипом Пространной редакции, убран начинавший ряд ястреб (сокол убран ранее, в архетипе Пространной редакции), здесь читаем: «ни кречету, ни чръному ворону, ни поганому Мамаю». В К-Б сохранен «сокол» архетипа «Задонщины», опущенный в протографе Пространной редакции, к кречету добавлен эпитет «белый», а черный ворон заменен на *пса* (явно вторичное чтение): «ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни тому псу — поганому Мамаю». Список С следует в данном случае за К-Б, меняя при этом местами сокола и ястреба и заменяя эпитет кречета

⁹³ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 54—55; Данти А. О «Задонщине» и о филологии. С. 80, примеч. 21.

⁹⁴ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 92.

«белый» на «белоозерский»; Мамай ошибочно назван в С царем: «ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Момаю».

Итак, текст «Слова» и в данном случае является первичным по отношению к «Задонщине». Текст архетипа «Задонщины» лучше сохранился в Пространной редакции (списке У). Попытка автора Краткой редакции исправить не совсем ясный текст архетипа памятника внесла в него дополнительные смысловые неувязки.

Рассмотрим фрагмент «Задонщины» с упоминанием «царя Соломона» в сопоставлении его с фрагментом «Слова».

Таблица 8

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Игорь къ Дону вои ведесть.	У: ...поганьи Момаи пришел на Рускую землю и воеводы своя привел.	...поганьи Мамаи приведе вои свои на Русь.
Уже бо бѣды его пасеть птицъ <i>под облакы</i> , ⁹⁵ вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленья щиты.	А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облак лѣтят (в И-1: под облакы летаютъ), <i>вороны часто грают, а галицы своею речью говорят</i> , ⁹⁶ орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисици на костѣх бряшут.	Птици небесныя пасушеся то под синие оболока, ворони грають, галици свои рѣчи говорят, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешуть,
О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси! (с. 46).	Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала (У, л. 178—178 об.).	чають побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: «Земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломоном, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ» (К-Б, л. 126).

А. А. Зимин попытался и в этом, безнадежном для «скептиков», случае доказать, что взаимосвязь текстов такова: К-Б → Пространная редакция «Задонщины» → «Слово о полку Игореве».⁹⁷

Предложенная схема взаимоотношения памятников представляется мне неверной (см. об этом далее). Взаимосвязь текстов была, на мой взгляд, иной: «Слово» → Пространная редакция «Задонщины» → К-Б.

⁹⁵ Исправлено мной; в Первом издании и Екатерининской копии читается «подобно», которое обычно исправляют на «по дубию». Но войско идет в чистом поле, птицы кружат над ним, а не сидят по дубам. Чтение списков «Задонщины» в соответствующем месте — «под облакы» (И-1), «под синие оболока» (К-Б) дает основание полагать, что в «Слове о полку Игореве» тоже читалось «под облакы». Вероятно, один из переписчиков «Слова» заменил «под облакы» на «под облачию», которое в свою очередь другой переписчик ошибочно передал как «подобно» (пропущены три буквы: *лч*). Ритм стиха в рассматриваемом фрагменте и параллель в тексте «Задонщины» заставляют предполагать в авторском тексте «Слова» именно «под облакы», а не «под облачию».

⁹⁶ Выделенные курсивом слова заимствованы автором «Задонщины» из другого фрагмента «Слова»: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ *часто врани граяхуть*, трупиа себѣ дѣляче, *а галици свою рѣчь говоряхуть*, хотяъ полетѣти на уедие» (с. 48).

⁹⁷ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 62—63.

В «Слове о полку Игореве» вполне конкретная и зримая картина. Здесь повествуется о продвижении Игоря к Дону. Войско сопровождают тревожные предзнаменования: вначале — солнечное затмение, затем — поведение животных, предсказывающее кровавую битву: беду Игорева войска уже ждут («пасут») сопровождающие его птицы, воют волки, орлы своим клекотом созывают птиц на скорую поживу, лисицы брешут на красные щиты русских. После этого описания автор «Слова» восклицает: «О Русская земле (здесь в значении «русские воины»)! Уже за шеломянем еси!» — т. е. русские воины уже за порубежным валом, на вражеской территории, где их ждет опасность, где сбудутся мрачные предзнаменования.

Автор «Задонщины» заимствует этот фрагмент «Слова», дополняя его текстом о воронах и галках из другого фрагмента этого же памятника. В «Задонщине» тревожные приметы относятся уже к войску Мамайя. Вслед за описанием мрачных предзнаменований (поведения животных) идет фраза о Русской земле, которая здесь совершенно непонятна и не связана с предыдущим текстом: «Русская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала!».

Р. О. Якобсон предполагал осознанную замену выражения «за шеломянем» «Слова» на «за Соломоном» в «Задонщине»: «...у Софонии не было возможности сохранить художественную формулу прототипа, потому что Куликовская битва происходила отнюдь не за шеломянем, а в пределах Русской земли».⁹⁸ По мнению Якобсона, фразу о Соломоне в Пространной «Задонщине» следует понимать так: Русская земля, ты теперь находишься в сходном положении с тем, что было при царе Соломоне. Исследователь полагает, что «здесь имеется в виду знаменитая молитва Соломона в восьмой главе Третьей Книги Царств, призывающая Бога внять мольбам народа, если его будут теснить неприятели, и заступиться за него, когда с молитвою он выйдет на врага». Эту молитву Соломона Р. О. Якобсон соотносит с молитвой князя Дмитрия, вступившего в златое стремя («вторящий Соломону зов о небесной помощи»)⁹⁹ Толкование Р. О. Якобсоном фразы о «Соломоне» в Пространной редакции («Русская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала») слишком усложнено и противоречит им же предложенному объяснению выражения «была за царем».¹⁰⁰

Невозможность удовлетворительного истолкования фразы о Соломоне говорит о том, что, скорее всего, «Соломон» появился в «Задонщине» не в результате осознанной замены, а в результате непонимания текста «Слова». По мнению А. В. Соловьева, в том списке «Слова», который был в распоряжении автора «Задонщины», стояла архаичная форма «за соломьянем» (вместо «за шоломянем»), из чего возникло неуместное и бессмысленное выражение «Задонщины» с упоминанием Соломона.¹⁰¹

⁹⁸ Jakobson R. O. За шоломянем / За Соломоном // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 4. P. 538.

⁹⁹ Там же. P. 536.

¹⁰⁰ Конструкции «была за царем», «буди за князем» употреблялись, по словам Р. О. Якобсона, «единственно для обозначения охраны, защиты, принадлежности, подвластной службы» (Там же. P. 534).

¹⁰¹ Соловьев А. В. Шоломя или соломя? // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1968. Vol. 11. P. 100—109. А. А. Зализняк также предполагает, что в силу псковского диалектного смешения *ш* и *с* в рукописи «Слова», которой пользовался автор «Задонщины», могло читаться вместо *шеломянем* — *соломянем* или *селомьянем* (Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 130).

В К-Б фрагмент претерпевает дальнейшие изменения. Восходящая к архетипу «Задонщины» фраза Пространной редакции «...уже бѣды их пасоша птицы крылати под облакы...»¹⁰² читается в К-Б так: «Птицы небесныя пасущеся то под синие оболока». Как видим, птицы здесь не беду татар пасут, а сами «пасутся под облака». Смысл упоминания птиц, летающих под облаками, в К-Б утрачен.¹⁰³ Слова о Русской земле, согласно К-Б, «рекут» лисицы, которые «часто брешуть, чають побѣду на поганыхъ» (в этих словах, как отметил Р. О. Якобсон, «нетрудно опознать <...> излишне произвольную вставку малоискусного переписчика, попытавшегося таким путем установить связь между картиной взбудораженного зверья и неясной... фразой о Руси и царе Соломоне»¹⁰⁴). Что же «рекут» лисицы? Обращаясь к Русской земле, лисицы «а ркучи такъ»: «Земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломоном, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ». Как видим, попытка автора К-Б исправить фразу Пространной редакции (восходящую к архетипу «Задонщины») оказалась неудачной. Во-первых, почему «доселева» Русская земля была за царем Соломоном? Во-вторых, почему выражается пожелание, чтобы «нынѣча» Русская земля была за великим князем Дмитрием Ивановичем? Ведь он уже немало лет до этого находился на Московском княжении. Можно ли всерьез вслед за А. А. Зиминим видеть в «брехании» лисиц «фольклорную обработку темы „Русь — новый Иерусалим“»? Доказательством этого Зимину служит «уподобление русского князя Соломону» в «Повести о смерти князя Андрея Боголюбского», в которой тот «второй мудрый Соломон бѣшетъ» или «уподобися царю Соломону».¹⁰⁵ Однако эти сравнения никак не связывают Соломона с Русской землей, они призваны лишь подчеркнуть «Соломонову» мудрость Андрея Боголюбского.

Итак, пронзительно-тревожно звучащий рефрен «Слова о полку Игореве»: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» — переосмыслен и при этом искажен при заимствовании его автором «Задонщины», а попытка автора К-Б исправить неудачную и непонятную фразу своего протографа приводит к ее полному обесмысливанию.

В приведенных далее фрагментах, взятых из одного эпизода «Задонщины» — описания сражения, текст Пространной редакции, отражающий архетип «Задонщины», ближе к тексту «Слова о полку Игореве», а К-Б, перерабатывая архетип, «исправляет» или искажает его и при этом отдаляется от «Слова».

¹⁰² Читается далее в списках И-1 и У слово «летают/летят», которого нет в К-Б, добавлено, вероятно, в протографе Пространной редакции.

¹⁰³ Считая чтение К-Б первоначальным по отношению к чтениям Пространной редакции «Задонщины» и «Слова», А. А. Зимин пытается указать его источник. Образ птиц небесных в К-Б, по его мнению, «восходит к библейским притчам Соломона (IX, 12): „иже утверждается на лжах, сей пасет ветры, той пожнет птицы парящия“», причем в «Задонщине» это изречение взято якобы в форме, близкой к «Пчеле»: «...иже ся утверждается лъжею, тот пасет ветры и птицы крылатыя». Однако изречение «Пчелы» о лживом человеке, уподобленном пасущему ветры или летающих птиц, даже с большой натяжкой трудно признать источником фразы К-Б о птицах, летающих под облаками в ожидании скорой поживы.

¹⁰⁴ Jakobson R. O. За шоломянем / За Соломоном. P. 536.

¹⁰⁵ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 63.

Таблица 9

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Черна земля подь копыты костью была посѣяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли! (с. 48).	Черна земля под копыты, костью татарскими поля насѣяша, кровью земля пролита (И-1, л. 219 об.).	Тогда поля костью насѣяны, кровью полиано (К-Б, л. 127).

По мнению А. А. Зимина, первичным было чтение К-Б, где подлежащее — «поля»; автор Пространной редакции добавил в него фразу «черна земля под копыты», внося тем самым лишнее подлежащее, которое затем стало единственным в «Слове о полку Игореве». ¹⁰⁶ Однако в том, что текст «Слова» первичен, убеждает следующий факт. Полнота образа, характерная для «Слова» (посев—полив—всходы), в «Задонщине» оказалась утраченной, здесь «посев» остался без «всходов», ¹⁰⁷ и понятно почему. В «Слове» речь идет о том, что во время междоусобиц русских князей черная земля была засеяна костями; а взошли они на Русской земле, политой кровью, — тугою, горем. Автор «Задонщины», заимствуя эту фразу, говорит о Куликовом поле, земля которого (по Пространной редакции — Рязанская, см. табл. 13) засеяна костями и полита кровью; но приспособить к новой ситуации слова о «всходах» он не смог: на чьей земле, учитывая победу русских, должны были появиться печальные всходы — туга, горе?

А. Г. Бобров, как и А. А. Зимин, считает маловероятным, что в архетипе «Задонщины» было предложение с двумя подлежащими (земля и поля), он полагает, что чтение «поля» восходит к архетипу «Задонщины», а чтение Пространной редакции «черна земля под копыты» «появилось в результате вторичного обращения к Слову, приведшего в результате слияния двух текстов к своеобразной синтаксической и смысловой дублировке». ¹⁰⁸ В этом случае следует допустить странную работу составителя сводного текста: сличая К-Б со «Словом» с целью создать более совершенный текст, он вносит второе подлежащее, что лишает текст Пространной редакции ясности, делает его сумбурным.

На мой взгляд, и в данном случае текст архетипа «Задонщины» не передает точно ни одна из редакций. В архетипе «Задонщины» читался, вероятно, такой заимствованный из «Слова» текст: «Черна земля под копыты костью насѣяна, кровью поляна». В общем протографе К-Б и списков Пространной редакции ошибочно было добавлено слово «поля», в связи с чем бывшее подлежащее выделилось в самостоятельную синтаксическую единицу, в назывное предложение: «черна земля под копыты». Получилось, что костями засеяны *поля*. Впрочем, возможно, что ошибка была сделана уже автором «Задонщины».

В К-Б назывное предложение «черна земля под копыты» опущено, здесь уже нет речи о черной земле, заимствованной «Задонщиной» из «Слова»,

¹⁰⁶ Там же. С. 69.

¹⁰⁷ Обеднение образов «Слова» в «Задонщине» на этом и других примерах показал Д. С. Лихачев. См.: *Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины»* : (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Русская литература. 1964. № 3. С. 92.

¹⁰⁸ *Бобров А. Г. «Заколдованный круг»*. С. 94.

а засеянными оказываются поля. В связи с заменой подлежащего («земля» на «поля») изменена и форма глаголов: «насеяны» вместо «насеяна» и «полиано» («полианы?») вместо «польяна». В Пространной редакции текст общего с К-Б протографа также претерпел изменения: слово «костями» получило уточнение «татарскими»; глагол страдательного залога «насеяна» ошибочно заменен глаголом действительного залога «насъяша»; слово «польяна» заменено на «пролита»; к этому глаголу добавлено подлежащее «земля». Весь фрагмент получился нескладным, составляющие его части (черная земля под копыты — костями татарскими поля насеяша — кровью земля пролита) уже не образуют единое целое, яркую метафору: посев—полив—всходы.

В следующем примере фраза архетипа «Задонщины», сохранившаяся в Пространной редакции, в Краткой редакции переставлена и при этом искажена.

Таблица 10

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
А чи диво ся, братие, стару помолодити? (с. 51).	И-1: Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым плечь попытати (И-1, л. 220). У: И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечь своих попытати (У, л. 183—183 об.).	Того даже было нелѣпо стару помолодитися (К-Б, л. 127—127 об.).

Фраза Пространной редакции явно навеяна «Словом о полку Игореве», где старый князь Святослав Киевский говорит о том, что не дивно и старому помолодиться в момент сражения, т. е. сразиться подобно молодому, сильному воину. В Пространной редакции эта фраза в распространенном виде (добавлено «а удалым плечь попытати») следует в качестве резюме после изображения доблестно сражающегося Пересвета. В К-Б рассматриваемая фраза перемещена: она читается не после, а перед описанием «поскакивающего» на своем коне Пересвета. Смысл ее здесь искажен («даже было *нелѣпо* стару помолодитися»), и вторичность фразы очевидна. Ср. в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище», где в заимствованной из «Задонщины» фразе читается первоначальное «лепо»: «Лѣпо бо есть в то время и стару помолодитися, а молодому храбрости испытати».

Таблица 11

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Ярь туре Всеволодѣ! <...> Камо, турь, поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, — тамо лежать поганья головы	[1-й фрагмент] Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злаченнымъ доспѣхомъ посвѣчиваше — а <i>иные</i> (вместо <i>поганьи?</i>) лежат	Хоробрыи Пересвѣт поскакивает на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегорди... (К-Б, л. 127 об.).

половецкыя... (с. 47).¹⁰⁹

Дѣти бѣсови кликомъ
поля прегородиша, а хра-
брии русици преградиша
чрълеными щиты (с. 47).¹¹⁰

посечены у Дону на брези
(И-1, л. 220).

[2-й фрагмент]

Рускии сынове поля ши-
рокыи кликом огородиша,
золочеными шлемы освети-
ша (И-1, л. 222).

По мнению А. А. Зимина, «если Краткая Задонщина дает первоначальный текст о свисте Пересвета по сравнению с „кликом“ русских сынов Пространной редакции, то вариант Слова с „кликом“ половцев будет еще более поздний».¹¹¹ Однако в данном случае есть неопровержимое доказательство первичности чтения «Слова» по отношению к чтению Пространной редакции «Задонщины», а чтения Пространной редакции (отражающей архетип памятника) по отношению к чтению Краткой.

В «Слове о полку Игореве» использовано противопоставление: «Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты». Под кликом поганых в «Слове» имеются в виду боевые кличи тюркских племен — ураны. Перед битвой тюркские воины, выстроившись в ряд, громко повторяли боевой клич.¹¹² Автор же «Задонщины», пользуясь

¹⁰⁹ Образ Всеволода из «Слова о полку Игореве», скачущего по полю битвы, посвечивая *златым шеломом*, в «Задонщине» использован дважды: по отношению к Владимиру Андреевичу, который «гораздо скакаше <...>, *златым шеломом* посвѣчиваше» (И-1, л. 221 об.), и по отношению к монаху Пересвету (!), который тоже «поскакивает на борзе кони, а *злаченым достѣхомъ* посвѣчиваше» (И-1, л. 220). Текст о Владимире Андреевиче (более близкий к «Слову») находится в начале второй части «Задонщины», поэтому в К-Б он отсутствует.

¹¹⁰ В «Слове» эта фраза стоит непосредственно перед фразой о Всеволоде, в «Задонщине» порядок следования фрагментов противоположный.

¹¹¹ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 121.

¹¹² Е. Оспанулы приводит в своей статье «Ураны — боевые кличи казахов» следующие интересные сведения. У большинства казахских племен (казахи считаются прямыми потомками кипчаков-половцев, чистокровными тюрками) наряду с родовой тамгой имелся в прошлом и свой собственный уран — боевой клич. В рукописи XIII в. эпического содержания «Легенда об Огуз-кагане», единственный список которой, написанный уйгурским письмом, хранится в Национальной библиотеке в Париже, есть такие слова: «И пусть будет боевым кличем „Көк бөрі“ — сивый волк». Но в истории казахского народа были и необычные, можно сказать, великие ураны, как например, общенародный боевой клич — *Алаш*. Не менее важными когда-то являлись и ураны трех известных казахских племенных союзов — Старшего жуза, Среднего жуза и Младшего жуза. Роль последних для рядового степняка была намного важнее и значительнее, чем его собственный родовой уран, потому что они помогли ему в тяжелую минуту ощутить единение не только со своими близкими сородичами, но и со всем народом, что могло вдохновить на совершение небывалых подвигов.

О том, как выкрикивались ураны, дает представление рукопись «Бабурнаме», написанная представителем другого тюркского народа, правнуком самого Тамерлана (Тимура) — правителем Самарканда эмиром Бабуром. Там есть такие строки: «Хан и те, кто стоял подле него, тоже повернули лица к стягу и плеснули на него кумыса. И тут же заревели медные трубы, забили барабаны, а *выстроившиеся в ряд воины стали громко повторять боевой клич*. От всего этого вокруг *поднялся невообразимый шум*, который вскорости затих. Все это повторилось трижды, после чего предводители вскочили на своих коней и трижды объехали стан...». Из этого следует, что боевые кличи (ураны) многократно выкрикивались во время смотра войск еще до выступления в поход. Автор статьи полагает, что ураны выкрикивались и непосредственно перед началом сражения, когда противоборствующие стороны выстраивались в боевом порядке лицом к лицу. А вот вступали в сражение кочевники уже иначе: с протяжным многоголосым криком «Ү-ү-үр!!!», что означает, по словам Е. Оспанулы, причем в буквальном смысле, русское «Бей!». См.: Оспанулы Е. Ураны — боевые кличи

своим методом символического противопоставления прошлого и настоящего, русских и половцев, и в данном случае применил к русским формулу, использованную в «Слове» по отношению к половцам,¹¹³ не понимая, вероятно, что она описывает воинский ритуал *тюркских* воинов. Ефросин заимствовал эту формулу из своего протографа — первоначальной редакции «Задонщины», но употребил ее не в этом фрагменте (его он опустил), а в другом, по отношению к одному Пересвету и в измененном виде: Пересвет, по К-Б, *свистом* перегородил поля. Ясно, что это бессмысленное чтение К-Б вторично. Ефросину было непонятно выражение «кликком поля перегородили», тем более что оно было употреблено в архетипе «Задонщины» не по отношению к половцам, а по отношению к русским, и он попытался его исправить (составитель И-2 непонятные ему слова «кликком огородиша» тоже исправил, он заменил их словами «коньми огородиша»).

Итак, первичным и в данном случае был текст «Слова», он использован в архетипе «Задонщины», по-разному переданном в Пространной и Краткой редакциях. Это объясняет отмеченные А. Г. Бобровым три чтения Краткой редакции «Задонщины», совпадающие со «Словом».¹¹⁴ В архетипе памятника читалось, в частности, как в К-Б, — «перегородиша» в отличие от ошибочного чтения Пространной редакции — «огородиша», искажающего использованную формулу «Слова» «кликкомъ поля прегородиша».

Очевидная вторичность рассматриваемого фрагмента в К-Б делает излишним предположение А. Г. Боброва, согласно которому текст К-Б был первичным, а текст Пространной редакции создан на основе Краткой редакции с повторным обращением к «Слову».

А. Г. Бобров считал невозможным возвести к архетипу «Задонщины» оба отражения «Слова» (и в Краткой, и в Пространной редакциях), ссылаясь на то, что якобы в версиях «Задонщины» «происходит замена одной цитаты из Слова на другую».¹¹⁵

Говоря о замене в версиях «Задонщины» одной цитаты из «Слова» на другую, А. Г. Бобров имел в виду, что фразе Пространной редакции «а иные лежат посечены» (восходящей к фразе «Слова» «...тамо лежать поганья го-

---

казахов // World Discovery Kazakhstan. Алма-Ата (Алматы), 2006. № 3 (8). С. 50—52 (на русском языке), с. 55—57 (на казахском языке); электронный вариант см.: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=1559>. За уточнение выходных данных журнала с этой статьей (при помещении в интернет указанных ошибочно) благодарю главного редактора журнала М. В. Косарева.

¹¹³ Следует напомнить, что в христианской традиции бесы символически связаны с шумом, поэтому не случайно громко выкрикивающие боевой клич половцы названы «дети бесовы». В «Слове» клику половцев противопоставлена тишина в русском войске (русские перегородили поля не кликом, а красными щитами). Это противопоставление традиционно и символично, находим его у М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Бородино»:

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый...

¹¹⁴ А. Г. Бобров отметил, что предложенная А. А. Зиминым взаимосвязь двух редакций «Задонщины» и «Слова» (К-Б → Пространная редакция → «Слово») невозможна, ибо «Слово» не могло при этом случайным образом трижды совпасть с К-Б: сократить эпитет Пространной редакции «широкыи», исправить глагол «огородиша» на «прегородиша» и добавить местоимение «своемь». См.: *Бобров А. Г. «Заколдованный круг»*. С. 93.

¹¹⁵ Там же.

ловы половецкыя») в К-Б соответствует фраза «свистомъ поля перегороди» (восходящая к фразе «Слова» «кликомъ поля прегородиша»). О. В. Творогов так объясняет это разночтение редакций «Задонщины»: «К-Б изменил ранее существовавший текст, заставив старца Пересвета гарцевать не на традиционном „борзом коне“, а на сказочном „вещем сивце“ и „свистом (?) перегораживать поля“. Эти последние слова могли быть взяты либо из „Слова“ (допуская при этом вторичное обращение К-Б к его тексту), либо же из второй части „Задонщины“». ¹¹⁶ Второе предположение О. В. Творогова мне представляется единственно верным: ¹¹⁷ Ефросин заменяет непонятную ему фразу Пространной редакции «а *иные* лежат посечены» (искаженное «а *поганый* лежат посечены») фразой, взятой из второй части «Задонщины» и при этом измененной: «свистомъ (вместо кликом) поля перегороди».

Таблица 12

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Братие и дружино! Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемь, братие, на свои брзья комони да позримъ синего Дону! (с. 44).	У: Лутчи бы нам потятым быти, нежели полоненым от поганых татарь (У, л. 183). И-1: Луче бы посеченным пасти, а не полонянымъ въспѣти [вместо быти?] от поганыхъ (И-1, л. 220).	Лучши бы есмь сами на свои мечи наверглися, нежели намъ от поганыхъ положеным пасти (К-Б, л. 127 об.).

А. А. Зимин, и в данном случае считающий чтение К-Б первичным по отношению к чтению Пространной редакции, обосновывает это следующим образом: «Мотив „нежели полоненым быти“ (И1) в устах воина, идущего на ратный подвиг, менее мотивирован, чем „нежели от поганых положенным пасти“ (К-Б). Скорее всего, „полоняным“ появилось в результате осмысления слова „положенным“». ¹¹⁸

А. А. Зимин сопоставляет не законченные фразы, а их части, высказывая при этом крайне субъективное мнение о большей мотивированности текста К-Б. Но если мы сопоставим фразы целиком, проанализируем их смысл, то убедимся, что и в данном случае зависимость текстов была такой: «Слово» → Пространная редакция «Задонщины» → К-Б.

В «Слове о полку Игореве» Игорь, видя во время похода на половцев затмение солнца, предвещающее беду, из двух возможных бед — быть убитым или быть плененным — выбирает смерть. Понимая смысл знамения, Игорь, несмотря на это, призывает своих воинов продолжить поход, ибо страстное желание «искусити Дону Великаго» заслонило ему знамение. Он жаждет сразиться с половцами и либо «главу свою приложить» (погибнуть), либо «испити шеломомъ Дону» (победить). В Пространной редакции «Задонщи-

¹¹⁶ Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 304—305.

¹¹⁷ Вторая часть «Задонщины», по мнению О. В. Творогова, могла быть фрагментарно или по памяти известна писцу К-Б (или писцу его протографа). По моему мнению, протограф Ефросина был полным, и именно из его второй части была взята Ефросином фраза, на основе которой он сконструировал выражение «свистомъ поля перегороди».

¹¹⁸ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 72.

ны» Пересвет во время боя говорит, обращаясь к Дмитрию Ивановичу, что лучше быть убитым, чем плененным. Смысл сказанного в том, что Пересвет готов сражаться, не щадя живота своего: смерть лучше плена. Параллель этому выражению есть, как отметил вслед за Я. Фрчеком и сам А. А. Зимин, в «Повести о разорении Рязани». Здесь князь Юрий перед гибелью в битве с татарами говорит: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти».¹¹⁹ В К-Б фраза кардинально изменена. Здесь Пересвет говорит (адресат речи не назван), что воинам лучше «навергнуться» на свои мечи (самим себя убить), чем погибнуть («положенным пасти») от рук поганых. А. А. Зимин указал, что этот мотив навеян «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, где Елезар, обращаясь к иудеям, произнес: «Потщимся добре умерети <...> дондеже руки наша не связаны суть, а мечи в них да послужат нам службу подобну. Да умремь, не поработившися иноплеменником».¹²⁰ Как видим, общим в «Истории Иудейской войны» и в К-Б является мотив самоубийства. Однако смысл всей фразы в «Истории Иудейской войны» иной, нежели в К-Б. Елезар предлагает обреченным воинам, дабы не попасть в плен (не поработиться иноплеменникам), самим себя убить, пока руки не связаны, а в руках мечи. Здесь тот же традиционный мотив: лучше умереть (даже убив себя), чем попасть в плен. Изречение же Пересвета на поле боя, согласно которому лучше самим себя убить, нежели быть убитыми врагами, нелепо, оно выпадает из традиции, что и выдает его вторичность по отношению к чтению Пространной редакции.¹²¹ Итак, «мотивированным» и при этом традиционным является выбор Пересвета в тексте Пространной редакции: лучше умереть, чем быть плененным. И никак нельзя вслед за А. А. Зиминим признать «более мотивированным» тот странный выбор, который Пересвет делает согласно тексту К-Б: лучше самим себя убить, нежели быть убитыми врагами.

Таблица 13

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче... (с. 48).	У: И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но едины вороны грают ¹²² трупии ради человеческия (У, л. 184).	«Уже, брате, вижю раны на сердци твоємъ тяжки. Уже твои главѣ пасти на сырую землю <...>. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубятъ, толко часто вороны грають, зогзици кокують, на трупии падаючи» (К-Б, л. 127 об.—128).

¹¹⁹ Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер., коммент. Д. С. Лихачева // ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 186.

¹²⁰ Мецгерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 462—463.

¹²¹ Не случайно А. Вайян полагал, что слово «положенным» в К-Б является опiskой вместо «полоненым» (La Zadoňčina, eropée Russe du XV-e siècle. P. 6). Мнение это ошибочно, поскольку не могло быть выражения «полоненым пасти».

¹²² Вероятно, в авторском тексте «Задонщины» вместо словосочетания «но едины вороны грают» читалось вслед за «Словом» «но часто вороны грают», это первоначальное чтение

И-1: В то время по Резанской земли около Дону ни пастуси кличут, но однѣ воронѣ грають трупу ради человечьскаго (И-1, л. 220 об.).

В «Слове о полку Игореве» в приведенном фрагменте говорится о Русской земле, на которой во времена Олега Святославича в результате частых княжеских междоусобиц «рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче...». Автор же «Задонщины» говорит о Рязанской земле около Дону — месте Куликовской битвы (здесь «вороны грають трупи ради человеческия»),¹²³ но при этом вслед за «Словом» упоминает ратаев (добавляя к ним и пастухов), которые в поле не кличут. (Было бы странно, если бы на поле боя, где лежат убитые воины, пахали ратаи и пасли скот пастухи.) Составитель Краткой редакции, перерабатывая первоначальный текст «Задонщины», включает фрагмент о Рязанской земле (т. е. о поле битвы) в речь Осябли, обращенную к Пересвету, которому он предсказывает смерть. В результате получается текст еще более странный, чем в Пространной редакции: предсказание смерти Пересвету как будто бы основано на следующих приметах: «уже <...> пастуси не кличуть,¹²⁴ ни трубы не трубят» (выделенные курсивом слова добавлены в К-Б). Мы видим, как заимствование из «Слова», не совсем удачно использованное в Пространной редакции «Задонщины» (сохранившей чтение архетипа), в К-Б и вовсе обесмысливается.

Таблица 14

«Слово о полку Игореве»	Пространная редакция «Задонщины»	Краткая редакция «Задонщины»
<p>...зби(ся) Дивѣ, кличеть връху древа, велить послушати земли незнаемѣ: Вльзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмотораканьскыи бльванѣ! (с. 46).</p>	<p>Кликнуло диво в Рускои земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Желѣзнымъ вратом [в У далее: къ к Аранаичи], к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву [в У: к ко Торнову], и отголе к Царюграду, на похвалу: «Русь великая одолѣша Мамаия на полѣ Куликовѣ» (И-1, л. 219 об.).</p>	<p>Воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ: за Волгу к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до черемисы, до чяховѣ, до ляховѣ, до Устюга поганыхъ татаръ за Дышущем моремъ (К-Б, л. 127).</p>

сохранилось в К-Б, хотя противопоставления «Слова» (редко ратаи—часто вороны) в «Задонщине» уже нет.

¹²³ По мнению одних историков, русское войско двигалось по территории рязанского пограничья, на рязанской же территории произошла и сама битва. По мнению других, перейдя Дон, войско Дмитрия оказалось на ордынской территории. Как видим, автор Краткой редакции «Задонщины» был сторонником первой версии, тогда как автор рассказа о Куликовской битве в Новгородской I летописи был сторонником второй версии, он пишет: «...и вниде бо в землю их за Донѣ, и бѣ ту поле чисто на усть рѣцѣ Непрядвы...» (Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 22).

¹²⁴ Пахари «Слова о полку Игореве» в К-Б уже не упоминаются, остались только внесенные в архетип «Задонщины» пастухи. В И-1 пахари также не упоминаются. Вероятно, переписчики И-1 и К-Б независимо друг от друга убрали из текста пахарей (которые упоминаются в У и С), заметив неуместность их на поле битвы, особенно если учесть, что битва состоялась в сентябре.

По моему мнению, первоначальный текст приведенного фрагмента сохранился в Пространной редакции. Развернутая система доказательств этого тезиса с разбором противоположной точки зрения А. А. Зимина, А. Л. Никитина и М. А. Шибаева приведена мной в отдельной статье.¹²⁵ Здесь же для полноты картины взаимоотношения Пространной и Краткой редакций «Задонщины» перечислю основные свидетельства первичности рассматриваемого текста в Пространной редакции.

Вначале сопоставим фразы с упоминанием Дива/«дива». Логико-смысловой анализ приводит к выводу, что чтение К-Б «воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымъ землямъ» вторично по отношению к чтению Пространной редакции «кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землямъ», которое в свою очередь вторично по отношению к чтению «Слова о полку Игореве» «зби(ся) Дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ».

В «Слове о полку Игореве» упоминание Дива осмысленно. Божество стихийных сил природы, не освоенного человеком пространства, «хозяин» поля и леса (типологически его можно соотнести с Паном греческой мифологии), покровитель и символ «диких» половцев — кочевников и язычников, Див (от слова дивый, дикий) предупреждает своим кликом «землю неизвестную», чужую (места обитания половцев) о начавшемся походе Игоря Святославича, целью которого (по Лаврентьевской летописи и «Слову») было дойти до Тмутаракани, в связи с чем Див предупреждает и «Тмутараканского болвана», т. е. божество Тмутаракани, под чьей защитой этот город находился.¹²⁶ Автор «Задонщины» заимствует выражение «Слова», разрушая при этом яркий и мифологически осмысленный образ Дива. В списке И-1 Пространной редакции читаем: «Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати *грознымъ* [искаженное рознымъ] землямъ». Но следом за этим говорится о славе, которая «шибла» к перечисленным далее городам, сообщая о победе русских на поле Куликовом. Если объединить эти два сообщения, то получается, что диво кличет в Русской земле, и этот клик является вестью-славой, которая распространяется по разным городам. Но что означает в этом случае «диво» (в У — «дивы») и почему оно распространяет весть о победе русских воинов, да еще до того, как победа была одержана?¹²⁷ Не знал ответа на этот вопрос

¹²⁵ См.: Соколова Л. В. Куда «шибла слава» о Куликовской битве? : (К вопросу о «списке городов» в Пространной и Краткой редакциях «Задонщины») // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 173—191.

¹²⁶ Типологически «Тмутараканского болвана» можно сопоставить с «палладием» греческой мифологии (др.-греч. *παλλάδιον*). Палладий — священная статуя-оберег, небольшого размера деревянный истукан вооруженного божества, служивший городским амулетом. Он изображал Афины Палладу, покровительницу и защитницу греческих городов, носившую имя «градозащитницы», «защитницы града» (*Гомер*. Илиада. Песнь VI, стих 305, по любому изданию). Город, владевший палладием, считался находящимся под покровительством богини. Культ Афины-градозащитницы существовал и в Трое, где был храм Афины, в котором хранился троянский палладий — небольшая деревянная статуя богини Афины, «упавшая с неба». Считалось, что, пока палладий в Трое, она неприступна. После того как на десятом году войны троянский палладий был похищен греками Одиссеем и Диомедом, Троя пала.

¹²⁷ В другом месте «Задонщины» диво кличет под саблями татарскими. Это свидетельствует о «выступлении» дива «Задонщины» на стороне русских в отличие от Дива в «Слове», выступающего на стороне половцев. Однако после «плача татар», в описании их поражения встречаем фразу, заимствованную из «Слова»: «Уже веръжено диво на землю» (И-1, л. 223);

и составитель К-Б, поэтому «диво» заменил на «воды», которые, по этой редакции, «возпиша», разнося весть о битве по разным землям, хотя водный путь от Куликова поля вел далеко не до всех перечисленных в К-Б земель. Замена в К-Б непонятого для редактора «дива» на «воды» объясняется, вероятно, тем, что перед фразой о диве в источнике К-Б читалась, как и в Пространной редакции, фраза о реках и озерах («...возмутися реки и езера»), воды которых, как полагал составитель К-Б, и «возопили».

Рассмотрим теперь список городов (земель), к которым шла весть о битве на Куликовом поле. Приведу текстологические свидетельства вторичности списка земель в К-Б по отношению к списку городов в Пространной редакции.

1. В К-Б список земель составлен с привлечением фрагмента из «Слова о погибели Русской земли», где читается: «Отсель до угорь и до ляховъ, до чуховъ, от чухов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании (и) за Дышючимъ моремъ»;¹²⁸ от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвы, — то все покорено было Богомъ крестияньскому языку...».¹²⁹ Если вслед за А. А. Зиминим считать список К-Б первичным по отношению к спискам Пространной редакции, то нужно будет признать, что, редактируя текст К-Б, составитель Пространной редакции опознал цитату из «Слова о погибели Русской земли» и по какой-то причине «вырезал» ее, что представляется маловероятным.

2. Механически заимствуя текст из «Слова о погибели Русской земли», составитель К-Б допускает ошибку, связанную с Устюгом. Весть о сражении на Дону расходится, согласно К-Б, от Куликова поля. В таком случае на ее пути к Устьюгу нет «Дышущего» (Белого) моря, оно расположено далее к северу. Ошибка объясняется механическим заимствованием в К-Б выражения «до Устьяга... за Дышючимъ моремъ» из «Слова о погибели Русской земли», где граничившие с Русью земли называются от запада к северу и далее от севера к югу: «...от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании... за Дышючимъ моремъ...». Как видим, здесь Устюг упомянут после корелы, отдельные группы которой в XII—XIV вв. расселились севернее Карелии и Приладожья, в том числе на побережье Белого моря, в устье Северной Двины. Таким образом, на пути с севера на юг Устюг действительно оказывается за «Дышущим» (Белым) морем, на пути же с юга на север (от Куликова поля к Устьюгу) Белое море оказывается далее Устьяга, севернее его. Составитель Краткой редакции «Задонщины», заимствовав из

сп. в «Слове»: «...уже врьжесе Дивъ на землю» (с. 51), т. е. половцы (символом которых выступает Див) вторглись на Русскую землю. Непонятно, почему диво в «Задонщине», выступая на стороне русских, после их победы «вержено на землю».

¹²⁸ В списках «Слова о погибели Русской земли» после слова «погании» стоит союз «и», но он появился ошибочно, вероятно, из лишнего «и» в слове «погании». Совершенно очевидно, что здесь имеются в виду «тоймици погании», жившие в районе Устьяга, расположенного за «Дышущим» морем («Дышущим» Белое море называли из-за приливов и отливов), на что указывает творительный падеж с предлогом «за» словосочетания «за Дышючимъ моремъ». Дополнительным свидетельством того, что в архетипе «Слова о погибели Русской земли» союза «и» не было, служит его отсутствие в цитате из этого памятника в К-Б. Поэтому следует признать ошибочным выделение как самостоятельного топонима «Дышущее море» в публикациях «Слова о погибели Русской земли» и «Задонщины».

¹²⁹ Слово о погибели Русской земли / Подгот. текста, пер., коммент. Л. А. Дмитриева // ПЛДР: XIII в. С. 130. В публикации после слова «погании» перед союзом «и» стоит запятая.

«Слова о погибели Русской земли» выражение «до Устьяга... за Дышючимь моремь», не обратил внимания на то, что из-за употребления заимствованного выражения в новом контексте возникла ошибка.

3. На вторичность текста К-Б указывает также словосочетание «порожнымь землямь»: «Воды возпиша, вѣсть подаваша порожнымь землямь...».¹³⁰ «Порожными», т. е. пустыми, свободными землями никак нельзя было называть земли чехов, ляхов, черемисы, Рима, Устюга и др. Нельзя согласиться с А. Л. Никитиным, который считал слово «порожнымь» К-Б первичным, толкуя это как «реминисценцию» «земли незнаемой» из «Слова о полку Игореве»,¹³¹ поскольку это два разных по значению выражения. «Земля незнаемая» — чужая, неизведанная, «порожные земли» — пустые, незанятые, никому не принадлежащие. Слово «порожнымь» в К-Б — это искаженное «по рознымь», которое читалось в архетипе «Задонщины», ведь в К-Б, как и в списках Пространной редакции, речь идет о разных землях, которые далее перечисляются. Чтение И-1 в соответствующем фрагменте — «грознымь землямь» (в У нет) — это, как уже отмечалось, тоже искаженное «рознымь землямь», т. е. разным. В С видим дальнейшее переосмысление чтения И-1: «Кликнула диво по всим землям руским, велит *грозна* послушати» (л. 39 об.).

4. В К-Б, как и во всех остальных списках «Задонщины», до вставки из «Слова о погибели Русской земли» используется предлог «к» («к Желѣзнымь вратомь, к Риму»), а в тексте вставки употребляется вслед за «Словом о погибели Русской земли» предлог «до».¹³² Это говорит о том, что вставка из «Слова о погибели Русской земли» неорганична в тексте К-Б, что текст К-Б, составленный на основе двух источников — архетипа «Задонщины» и «Слова о погибели Русской земли», — недостаточно умело отредактирован, и это выдает его вторичность.

5. Вторичность текста К-Б проявляется и в том, что в отличие от Пространной редакции в нем нет единого стержня, который бы скреплял все перечисленные топонимы. Вслед за архетипом «Задонщины» названы Железные врата и Рим, находящиеся далеко за пределами Русской земли. Остальные топонимы заимствованы из «Слова о погибели Русской земли», где перечислены земли, граничившие с Русью в XIII в., в том числе и земли тоймичей, расположенные недалеко от Устюга, к северу от него, в районе рек Верхняя и Нижняя Тойма. В К-Б вместо тоймичей названы устюжане — «поганые татары». Однако в XV в., когда создавался список К-Б, Устюг не был землей, граничившей с Русью: он еще в конце XIV в. вошел в состав Московского княжества. При этом перечисленные города и земли упоминаются в К-Б без какой-либо последовательности: к Железным вратам на Каспийском море

¹³⁰ В большинстве публикаций слово «порожнымь» пишется отдельно, осмысляемое в значении «по разным». Однако словари не отмечают прилагательного «рожный». Вероятно, Ефросин или его предшественник понял слово «по рознымь» (по разным) в значении «порознымь» (незанятым, свободным; см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 124) и передал его в иной форме — через «ж» — «порожнымь».

¹³¹ Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 234.

¹³² Этот аргумент уже приводили оппоненты А. А. Зимина. См.: Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». С. 110.

(отдаленный восточный пункт), к Риму (отдаленный западный пункт), до черемисы (марийцы, один из древних финно-угорских народов Среднего Поволжья), до чехов, до ляхов (западные соседи Руси), до Устюга (на севере). Как видим, утверждение А. А. Зимина, что весть, по К-Б, «распространялась... с востока на запад, т. е. так же, как в Житии князя Дмитрия («от востока и до запада хвално бысть имя его»)),¹³³ — не соответствует действительности. «Набор земель» в К-Б случаен и, будучи заимствованным из разных источников разного времени, не представляет собой органичного, объединенного авторским замыслом текста. В Пространной же редакции «Задонщины», напротив, в перечислении городов виден авторский замысел.

По поводу того, что объединяет перечисленные города в Пространной редакции «Задонщины», высказаны разные точки зрения.¹³⁴ Но ни одна из них не является убедительной. По моему мнению, упомянутые в Пространной редакции города представляют собой ключевые пункты на торговых путях Московского государства как на восточном, азиатском, направлении, так и на южном, европейском.¹³⁵

В связи с этим приобретает особое значение сообщение «Сказания о Мамаевом побоище» о том, что Дмитрий Иванович взял с собой в поход гостей-сурожан:¹³⁶ «Князь же великий поя с собою десять мужь гостей московских сурожанъ видиния ради, аще [что] Богъ случить ему, имуть повѣдати в дальних землях».¹³⁷ Именно это сообщение «Сказания» автор «Задонщины» поэтически преобразовал в список городов, к которым неслась весть о победе русских в Куликовской битве.¹³⁸ В «Задонщине» упомянуты города, с которыми купцы-сурожане имели самые тесные экономические связи.

Итак, перечисленные в Пространной редакции города представляют собой важные пункты на путях из Руси в Азию и Европу. На то, что названные города символизируют определенный *путь, по которому идет слава*, указывают слова «по морю» («к Кафы по морю») и «оттоле» («оттоле к Царюграду»). Начиная путь с низовьев Дона, в районе которого проходила Куликовская битва, московские гости-сурожане (входившие в войско Дмитрия Ивановича) распространили, по мысли автора «Задонщины», «славу» о Куликовской битве и в направлении востока, Азии (к крупным транзитным торговым центрам —

¹³³ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 68.

¹³⁴ См. об этом в статье: Соколова Л. В. Куда «шибла слава» о Куликовской битве?

¹³⁵ В XIV—XV вв. выделяется несколько основных направлений внешней торговли Московского государства: 1) южное, донское, направление; 2) восточное, волжское, направление; 3) западное направление, малоразвитое, поскольку приоритет в торговле с Западом принадлежал Новгороду. См.: Бутенко В. А. 1) Краткий обзор истории русской торговли. СПб., 1911; 2) Краткий очерк истории русской торговли // Гермес : Торговля и реклама : Сборник. СПб., 1994. С. 232—234.

¹³⁶ См. о них: Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935; Хачикян Л. С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище : (К вопросу об их национальной принадлежности) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 333—357.

¹³⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. С. 157.

¹³⁸ По моему мнению, «Сказание о Мамаевом побоище» написано ранее «Задонщины», обоснование этого тезиса будет дано в другой статье. Доклад о взаимоотношении памятников Куликовского цикла был сделан мной в мае 2012 г. См.: Лобакова И. А. Выездные научные чтения Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома в Ясной Поляне // Русская литература. 2013. № 1. С. 249—250.

Железным вратам/Дербенту и Орначу/Ургенчу),¹³⁹ и в направлении запада, Европы: от низовьев Дона через Кафу/Феодосию (торговую факторию генуэзцев в Крыму) к Тырнову, с которым у Руси были тесные связи, к Царьграду/Константинополю и Риму.¹⁴⁰

В списке К-Б (Краткой редакции) рассматриваемый фрагмент существенно переработан. А. А. Зимин, А. Л. Никитин и Ю. К. Бегунов полагают, что как в Пространной редакции, так и в Краткой распространяется *слава*, весть о победе русских над татарами.¹⁴¹ Между тем мотив славы присутствует только в Пространной редакции. Здесь именно слава «шибла» к перечисленным городам, весть именно о победе в битве распространяется «на похвалу»: «Русь великая одолѣша Мамаея на полѣ Куликовѣ!». Автор же К-Б подчеркивает лишь кровавый характер этой битвы. Какая весть подается согласно К-Б? Это весть вовсе не о победе над Мамаем, а о кровопролитном сражении, о том, что «поля костью насьяны, кровью полиано». Именно об этом «возпиша» воды.

Изменен в К-Б и первоначальный список городов, к которым шла весть о Куликовской битве. Что же побудило Ефросина изменить список городов, перечисленных в первоначальной редакции, и заменить Царьград «черемисой», что казалось А. А. Зимину невозможным?¹⁴² Можно предположить, что причиной этому было падение Царьграда в 1453 г.

С одной стороны, определять время создания «Задонщины», исходя из дат, когда были захвачены перечисленные в Пространной редакции города, — либо как *terminus ante quem*, либо как *terminus post quem*,¹⁴³ — методически неверно. Автор «Задонщины», когда бы он ни создавал свое произведение,

¹³⁹ Исследователи высказывали разные точки зрения по поводу того, какой город назван Орначем (в списках «Задонщины» это имя искажено: в У «кь Караначи», в С «к Ворнавичом»): по мнению одних — Азов в устье Дона, по мнению других — Ургенч. В настоящее время этот вопрос можно считать решенным в пользу Ургенча. См. об этом: *Соколова Л. В.* Куда «шибла слава» о Куликовской битве?

¹⁴⁰ Вероятно, первоначальный порядок городов был таким: к Орначу, к Железным вратам, к Кафе по морю и к Тырнову, оттуда к Царьграду и Риму. Орнач, видимо, упоминался первым (так в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище») как самый восточный из названных городов, Рим же, как самый западный (расположенный на пути генуэзских купцов из Крыма в Геную), скорее всего, стоял в авторском тексте последним, а затем был переставлен в начало ряда, чтобы выделить как конечную цель «славы» на юго-западном направлении Царьград, центр православия, связанный с Русью церковными и политическими узами. В результате перестановки Рим оказался перед Кафой, в связи с чем была нарушена географическая последовательность упоминания городов.

¹⁴¹ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. С. 68; *Никитин А. Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 234; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 137.

¹⁴² *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины». С. 88.

¹⁴³ Согласно одной точке зрения, «Задонщина» была создана до падения Тырнова в 1393 г. (см.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 202) и Орнача/Ургенча в 1388 г. (см.: *Кучкин В. А.* К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 113—121), поскольку направлять к ним весть о победе русских «на похвалу» после захвата этих городов турками не было смысла. А. Л. Никитин же полагал, что Пространная редакция «Задонщины» (которую он считал вторичной, как и содержащийся в ней список городов) создана после падения захваченных турками Царьграда в 1453 г. и Кафы в 1475 г., надежду на освобождение которым якобы подавала победа русских в Куликовской битве (см.: *Никитин А. Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 237).

пишет о событиях 1380 г.,¹⁴⁴ когда весть о победе русских в Куликовской битве распространяли по торговым путям гости-сурожане. И все же, думается, вряд ли автор «Задонщины» (а тем более книжник, редактировавший текст памятника) направил бы славу к Константинополю/Царьграду после его захвата турками в 1453 г., как полагал А. Л. Никитин. Ведь слава «шибла» в Царьград на похвалу Руси («Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ!»). А после 1453 г. такая похвала, направленная к Царьграду, выглядела бы двусмысленно. Слишком болезненным для Руси было падение Царьграда, центра православия, чтобы его не учитывать.¹⁴⁵ Видимо, именно поэтому Ефросин, редактируя «Задонщину» в 1475 г., исключил упоминание Царьграда и расположенных на пути к нему Кафы и Тырнова¹⁴⁶ (Орнач, видимо, отсутствовал уже в протографе К-Б, его нет и в И-1). Ефросин оставил в тексте только Железные ворота и Рим как символы отдаленных географических пунктов в юго-восточном и юго-западном направлении и ввел дополнительно к ним названия народов и стран из «Слова о погибели Русской земли».

Сопоставление списка городов (земель) в Краткой и Пространной редакциях «Задонщины» приводит нас к выводу о первичности рассматриваемого фрагмента в Пространной редакции, в данном случае лучше отражающей текст архетипа памятника, в который было включено заимствование из «Слова о полку Игореве».

Подведем итог текстологическому сопоставлению редакций «Задонщины».

Итак, фактические и другого рода ошибки, возникшие при переработке Ефросином первоначального текста «Задонщины», неудачные сокращения текста, порождающие неувязки в нем, а также тот факт, что совершенный в художественном отношении текст «Слова о полку Игореве», будучи использованным в архетипе «Задонщины», претерпевает дальнейшие и часто неудачные изменения в Краткой редакции, — все это указывает со всей определенностью на то, что Ефросиновский список не является первоначальным текстом, а наряду со списками Пространной редакции восходит к общему с ними архетипу.

¹⁴⁴ Эту мысль высказал ранее Я. С. Лурье, который писал, что упоминание в «Задонщине» городов Тырнова и Орнача не свидетельствует о создании памятника в XIV в. Автор знал об уничтожении Ургенча Тимуром в 1388 г. и о завоевании в 1393 г. турками Второго Болгарского царства с его столицей Тырновом, но тем не менее ясно представлял, что в год Куликовской битвы эти города были важными политическими центрами, жители которых непременно должны были узнать о победе московского князя на берегах Дона и Непрядвы. См.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 27.

¹⁴⁵ Точка зрения А. Л. Никитина, согласно которой Пространная редакция была создана после падения перечисленных в ней городов, которым весть о победе русских над Мамаем подавала надежду на освобождение, — не может быть принята еще и потому, что неверно утверждение исследователя, будто все упомянутые в Пространной редакции города «были захвачены иноземными (иноверными) завоевателями». Город Орнач/Ургенч был стерт с лица земли Тимуром, поэтому на его руинах некому было воспринять «надежду на освобождение». Рим и вовсе не был захвачен (Никитин в связи с этим предлагал понимать под Римом город Римов, упомянутый в «Слове о полку Игореве», игнорируя тот факт, что в Пространной редакции перечислены города, находящиеся за пределами Русской земли). Кафа была захвачена турками в июне 1475 г., когда Пространная редакция уже существовала.

¹⁴⁶ По мнению Ю. К. Бегунова, эти города опущены в К-Б именно потому, что Тырново, Царьград и Кафа были захвачены турками к концу XV в. (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 137).

В таком случае встает вопрос: каким был архетип «Задонщины» — полным, содержащим первую и вторую части, как списки Пространной редакции, или кратким, содержащим только первую часть, как Ефросиновский список?

II

Мысль о том, что авторский текст «Задонщины» содержал только первую часть, был краткого вида, впервые высказал Е. В. Барсов.¹⁴⁷ Он считал, что список К-Б — это первоначальный вид «Писания Софония», краткий, более тяготеющий к «Слову о полку Игореве» и хранящий некоторые древние чтения. Первоначальный вид «Задонщины» возник, по мнению исследователя, под свежим впечатлением от Куликовской победы, чем объясняется «двойственный», «хвалебный» и «элегический», характер «Писания Софония». Список У, по мнению Е. В. Барсова, создан на основе списка К-Б при повторном обращении к «Слову о полку Игореве». Ян Фрчек в своем исследовании текстов «Задонщины» охарактеризовал два *вида* (по Барсову) «Задонщины» как две *редакции*. Он полагал, что первоначальная, Краткая, редакция была создана вскоре после Куликовской битвы, в конце XIV в., и в ней битва рассматривалась как *поражение* русских войск; по жанру эта редакция представляла собой «жалость». Пространная же редакция возникла якобы тогда, когда с течением веков историческая легенда в России превратила Куликовскую битву в блестящую победу. Поэтому в Пространной редакции к «жалости» по погибшим была добавлена «похвала».¹⁴⁸ Эту точку зрения поддержал и развил Андре Мазон.¹⁴⁹ А. А. Зимин также считал, что архетип «Задонщины» содержал только первую часть. В настоящее время наличие в авторском тексте «Задонщины» второй части отрицает А. Г. Бобров, в отличие от Мазона и Зимина считающий, как и Барсов, что «Слово» предшествует «Задонщине».¹⁵⁰

По мнению других исследователей, в том числе В. Ф. Ржиги,¹⁵¹ Р. О. Якобсона,¹⁵² Д. С. Лихачева,¹⁵³ Р. П. Дмитриевой,¹⁵⁴ О. В. Творогова,¹⁵⁵ А. Л. Никитина,¹⁵⁶

¹⁴⁷ См.: Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. С. 435—441.

¹⁴⁸ Frček J. Zádónština, staroruský žaložpěv o boji Rusů s Tatory r. 1380. С. 112.

¹⁴⁹ Mazon A. Le Slovo d'Igor. С. 37—38.

¹⁵⁰ Бобров А. Г. 1) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. 2005. Т. 22. Р. 238—298; 2) «Заколдованный круг».

¹⁵¹ Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). М., 1947. С. 12.

¹⁵² По мнению Р. О. Якобсона, авторский текст оканчивался перед сценой «стояния на костях», остальной текст Пространной редакции был добавлен в нее по «Сказанию о Мамаевом побоище». См.: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. P. 549 (Introduction, 8.1).

¹⁵³ Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». С. 169—170.

¹⁵⁴ Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 290—291.

¹⁵⁵ Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 311.

¹⁵⁶ Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 238—239.

А. А. Горского,¹⁵⁷ М. А. Шibaева,¹⁵⁸ авторский текст «Задонщины» содержал обе части, был полным.

Присоединяясь к мнению тех исследователей, которые считали, что протограф Ефросиновского списка был полным, содержал обе части «Задонщины», прежде всего подвергнем сомнению утверждение, что в тексте Пространной «Задонщины» есть фрагмент, свидетельствующий о позднейшем добавлении второй части текста.

В качестве «сильного аргумента» того, что первоначальный текст «Задонщины» был Кратким, А. А. Зимин указывал на «резкое нарушение хронологии рассказа в Задонщине Пространной редакции» «именно там, где кончается совпадение текста этой редакции с Краткой».¹⁵⁹ Ранее Ян Фрчек заметил, что коломенские жены плакали «на воскресение на Акима и Аннинъ день», т. е. 9 сентября, а вторая часть «Задонщины» Пространной редакции начинается с фразы: «Того же дни в субботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полъ Куликове на речъке Напрядѣ» (У, л. 186), т. е. происходит возвращение ко дню битвы, 8 сентября.

На мой взгляд, это справедливое наблюдение должно быть объяснено иначе.

Плач коломенских жен — это не просто оплакивание погибших. Подобно плачу Ярославны в «Слове о полку Игореве», он имеет побудительное значение, в нем содержится призыв к Дмитрию Ивановичу: «Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота,¹⁶⁰ чтобы *потом* [после битвы] поганые татарова к нам не ѳздили. Уже мужей наших рать трудила» (У, л. 185 об.—186). Ясно, что эти слова имеют смысл лишь в том случае, если произносятся, когда еще идет бой и исход его неясен. Эти слова теряют всякий смысл, будучи произнесенными *после* битвы, 9 сентября. Не случайно Ефросин закончил свой текст плачем московских жен, опустив плач коломенских жен, в котором содержался призыв к Дмитрию Ивановичу замкнуть Оке реке ворота, предполагающий рассказ о победной части боя. Плач коломенских жен звучит в кульминационный момент битвы. Сразу после плача, как ответ на мольбу-призыв коломенских жен, сообщается: «Того же дни в субботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки».¹⁶¹ И далее в Пространной редакции описывается вторая, победная часть боя. Сообщается о выступлении Засадного полка Владимира, о бегстве Мамаю, описывается сцена «стояния на костях» и говорится о возвращении Дмитрия Ивановича с войском в Москву. Эти фрагменты присутствуют и в Летописной повести, и в «Сказании о Мамаевом побоище».

¹⁵⁷ Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 119.

¹⁵⁸ Шibaев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь. С. 38.

¹⁵⁹ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 82.

¹⁶⁰ Ока была пограничной рекой между Московским и Рязанским княжествами. «Замкнуть ворота» Оке означает предотвратить набеги татар в Московское княжество, ибо именно со стороны Рязанского княжества, переправившись через Оку, чаще всего приходили к Москве татары.

¹⁶¹ Ср. в «Слове о полку Игореве»: бегство Игоря из плена совершается не просто после, но вследствие плача Ярославны, ее мольбы, обращенной к силам природы.

Поэтому есть основание считать, что дата плача коломенских жен («на воскресенье на Акима и Аннинь день») является позднейшей вставкой в текст «Задонщины». Это предположение подтверждается рядом фактов.

Во-первых, рассматриваемой даты нет в Кирилло-Белозерском списке, составитель которого, Ефросин, известен своим вниманием к разного рода точным указаниям и поэтому вряд ли опустил бы дату плача коломенских жен, которым он завершил свою редакцию. Фраза о том, что коломенские жены плакали в воскресенье на день Иоакима и Анны, читается в списках И-1 и И-2, а также в списке С — переделке сводного текста, одним из протографов которого был список типа И-1. В списке У даты плача коломенских жен нет. Из этого можно заключить, что дата была внесена либо составителем Пространной редакции (и опущена в списке У), либо составителем протографа списков И-1 и И-2. Текстологические наблюдения приводят к выводу, что дата плачей была внесена составителем Пространной редакции и опущена в списке У.¹⁶²

Во-вторых, на то, что в архетипе «Задонщины» даты плача коломенских жен не было, указывает фраза, идущая вслед за плачем русских жен: «Того же дни в субботу на Рождество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки» (У, л. 186). Эта фраза отсылает к ранее указанной дате битвы: «А билися из утра до полудни в субботу на Рождество святѣи Богородицы» (У, л. 182). Слово сочетание «того же дни» ясно свидетельствует о том, что между первым и вторым указанием на день битвы — в субботу на Рождество святой Богородицы (т. е. 8 сентября) — изначально не было никакой другой даты.

В-третьих, если бы автор «Задонщины» решил указать дату плача жен, то он поместил бы ее в начале плачей, а не разрывал бы этой датой плач московских и коломенских жен.

Итак, утверждение А. А. Зимина, что на границе первой и второй части имеется «резкое нарушение хронологии рассказа в Задонщине Пространной редакции», неверно по отношению к архетипу памятника. По всей видимости, дата плача коломенских жен была внесена наряду с другими дополнениями в протограф Пространной редакции.

Теперь приведем аргументы в пользу того, что протограф списка К-Б был полным, содержал обе части и повествовал о победе русских воинов.

1. Составитель К-Б был знаком со второй частью «Задонщины». Рассмотрим случаи, когда он включает фрагменты из опущенной им второй части в первую часть.

¹⁶² По наблюдению Р. П. Дмитриевой, общие чтения списков И-1 и И-2, отличающиеся от списка У, чаще всего являются первичными, восходящими к архетипу Пространной редакции, а общие чтения И-1 и У — чаще всего вторичными по отношению к И-2, что указывает на их общий протограф (Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 204). Подтверждением того, что в списке У опущена дата плача коломенских жен, служит и следующий факт: фрагмент, в составе которого читается эта дата (он весь отсутствует в У), содержит фразу «А уже диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами» (И-2, л. 70 об.; в И-1 читается только первая половина этой фразы), которая явно присутствовала в архетипе «Задонщины», поскольку она основана на тексте «Слова о полку Игореве» «Се у Римь кричать подь саблями половецкими, а Володимирь подь ранами» (с. 51).

В рассказе о Пересвете в Пространной редакции сказано: «Тако бо Пересвѣтъ поскакивает на своем добрѣ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣльчивает» (У, л. 183). В списке К-Б читаем: «Хоробрыи Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди...» (К-Б, л. 127 об.). О том, что чтение К-Б «свистомъ поля перегороди» основано на чтении Пространной редакции из другого фрагмента: «Руский сынове поля широкийи кликом огородиша, золочеными шлемы осветиша» (И-1, л. 222), было сказано ранее. Но в данном случае важно, что приведенное чтение Пространной редакции помещено *во второй части, отсутствующей в К-Б*.¹⁶³ Следовательно, это чтение второй части Пространной редакции было известно Ефросину — и он использовал его в измененном виде в первой части «Задонщины» по отношению к одному Пересвету.

Подобным же образом Ефросин включает чтение из опущенной им второй части «Задонщины» в плач русских жен, заканчивая им свой текст. Это слова о том, что русские воины «покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную вѣру» (К-Б, л. 128 об.). В Пространной редакции эти слова произносит Дмитрий Иванович в заключительном фрагменте, в сцене «стояния на костях», отдавая дань уважения павшим воинам. О том, что в авторском тексте «Задонщины» этого чтения не было в третьем плаче московских жен — «Андреевой жены Марьи да Михайловой Аксиньи» (в К-Б — «болярские жены»), свидетельствует его отсутствие в списках Пространной редакции.¹⁶⁴ Такое же редактирование текста осуществлено Ефросином при переписке «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. В одном из эпизодов он убирает всю вторую часть рассказа, а оставшуюся первую часть завершает словосочетанием, взятым из второй части рассказа.¹⁶⁵

¹⁶³ Р. П. Дмитриева отметила, что чтение «свистомъ поля перегороди» было заимствовано из второй части «Задонщины», хотя при этом считала, что в распоряжении Ефросина был дефектный список, без второй части. См.: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 263. О. В. Творогов также предполагал, что чтение «свистомъ поля перегороди» является выражением, заимствованным Ефросином из второй части и при этом измененным. См.: *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 304—305. Не разделяя предположений о записи «Задонщины» с голоса или по памяти, он считал при этом «очень вероятным», что текст второй части, отсутствовавший в дефектном протографе Ефросина, «припоминался» Ефросином или его предшественником. См.: Там же. С. 311, примеч. 44.

¹⁶⁴ Сходное чтение во фрагменте плача московских жен есть в Синодальном списке: «...положыли головы своя от (вместо «за») святыя Божыя церкви, за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича» (С, л. 40 об.—41). Это позволяет думать, что приведенная фраза внесена в данный фрагмент составителем Сводного текста из Краткой редакции.

¹⁶⁵ *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 280. В К-Б имеются, кроме того, примеры использования фразы из далее идущего текста, но той же *первой* части (см об этом: Там же. С. 263, примеч. 101). Например, в сцену выезда князей в поход перенесено указание на день битвы с добавлением даты — «8 сентября» (К-Б, л. 126 об.). Во фрагменте о приезде к Москве русских князей в речь князя Дмитрия добавлено в К-Б: «...уже погани татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимають, стоять межю Дономъ и Днѣпромъ, на рифѣ на Чечѣ» (К-Б, л. 124). Здесь выделенные курсивом слова добавлены составителем К-Б из далее следующего фрагмента, где они тоже сохранены, но с изменением *вотчины* на *вои*: «...поганыя татарове на поля на наши наступаютъ, а вои наши отнимають» (К-Б, л. 126 об.).

2. О том, что протограф Ефросиновского списка был полным, содержал рассказ о победе русских воинов, свидетельствуют и сохранившиеся в Ефросиновском списке упоминания примет, предсказывающих, что битва будет победной для русских.¹⁶⁶ Говоря словами В. П. Адриановой-Перетц, «можно ли представить себе такого средневекового писателя, который, рассказав о приметах, потом показал бы, что они не оправдались? Если бы он не был уверен в том, что Куликовская битва была победой русских, зачем же он именно так расставил бы в своем рассказе приметы?»¹⁶⁷ Приведя эти рассуждения, Д. С. Лихачев резюмирует: «Счастливые знамения как бы повисают в воздухе, не будучи подкреплены рассказом о конечной победе русских».¹⁶⁸ Таким образом, соображения Я. Фрчека и А. Мазона о том, что Куликовская битва вначале не воспринималась как победа русских и что предполагаемый ими протограф К-Б (архетип Краткой редакции) не содержал второй части, рассказывающей о победе, опровергаются самим же текстом Краткой редакции.

3. О том, что протограф Ефросиновского списка был полным, содержал рассказ о победе русских воинов, свидетельствует и следующее: в протографе К-Б, так же как и в списках Пространной редакции, присутствовало историческое введение. На это указывают «остатки» этого введения, сохранившиеся в К-Б после значительного сокращения текста. Между тем в первоначальном (полном) тексте исторического введения противопоставлялись времена Каялы и Калки (времена побед «поганых») времени Куликовской битвы (победы русских) и говорилось о намерении автора «возвеселить землю Русскую», возложить печаль (так долго покрывавшую Русскую землю) «на восточную страну», Симов жребий. Следовательно, вне всякого сомнения, протограф К-Б с этим историческим введением содержал вторую часть, повествующую о победе русских в Куликовской битве.

4. Следует отметить также, что тот список «Задонщины», который был использован при создании Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище», имел некоторые общие чтения (в том числе и общие ошибки) с К-Б, отличающие их от списков Пространной редакции. Список, использованный при создании Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище», до нас не дошел, но, как показал Л. А. Дмитриев, анализируя Печатный вариант «Сказания», он был полным.¹⁶⁹ Следовательно, архетип той группы списков, в которую входил протограф К-Б, был полным. Добавим, что в эту же группу

¹⁶⁶ Перечислим эти приметы: солнце ясно светит при выезде Дмитрия Ивановича на битву (в противоположность затмению солнца в «Слове»); Борис и Глеб «молитву творят за сродники свои»; лисицы брешут, «чая победу на поганых», и т. д.

¹⁶⁷ Эта выдержка из письма В. П. Адриановой-Перетц к Д. С. Лихачеву опубликована в статье: Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве» // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 140—141.

¹⁶⁸ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». С. 96.

¹⁶⁹ Л. А. Дмитриев пришел к выводу, что Печатный вариант «Сказания» весьма убедительно свидетельствует о том, что в протографе К-Б был текст, «хотя и имевший ряд текстуальных особенностей, присущих в настоящее время только списку К-Б, однако текст этот значительно отличался от списка К-Б и текстуально, и прежде всего по своему составу — это был полный текст „Задонщины“, более близкий к первоначальному, авторскому тексту памятника, чем список К-Б. Кирилло-Белозерский список „Задонщины“ представляет собой уже позднюю переработку текста, выразившуюся главным образом в сокращении и усечении текста» (Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 433).

входил и тот сходный с К-Б список, который наряду со списком Пространной редакции был в распоряжении составителя Сводной редакции, отраженной в ее позднейшей переработке — Синодальной редакции (списке С).

5. Доказательством того, что Куликовская битва воспринималась современниками не просто как победа, а как событие, имевшее важное политическое значение, служат все другие произведения Куликовского цикла: Летописный рассказ и Летописная повесть, созданные в XIV в., а также «Сказание о Мамаевом побоище» и «Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского», повествующие о Куликовской битве как о победе русских. О Куликовской битве как о бесспорной победе русских сообщали и современные этому событию иностранные хроники.¹⁷⁰ Без сомнения, авторский текст «Задонщины» (обнаруживающий знакомство с Летописной повестью и «Сказанием о Мамаевом побоище») в соответствии с действительностью также повествовал о Куликовской битве как о победе русских, т. е. содержал вторую часть текста.¹⁷¹

В таком случае возникает вопрос: когда была утрачена вторая часть «Задонщины»? Отсутствовала ли она уже в протографе Ефросиновского списка или ее сократил сам Ефросин?

Р. П. Дмитриева предположила, что в руках Ефросина оказался дефектный список, текст в котором обрывался на плаче московских жен. Заметив неоконченный характер механически оборванного текста, Ефросин, по предположению Р. П. Дмитриевой, завершил его своей выпиской из Краткого летописца, приписав в качестве окончания летописные записи, содержащие перечисление событий, последовавших за событиями 1380 г.¹⁷² Дефектным (без второй части) считал протограф Кирилло-Белозерского списка и О. В. Творогов,¹⁷³ а также А. Л. Никитин.¹⁷⁴

В совместной полемической статье 1967 г. Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов рассматривали К-Б как сокращенный текст, не признавая его самостоятельной редакцией. По их мнению, «различие „идейной направленности“ краткого текста „Задонщины“ и полных — не более чем фантазия».¹⁷⁵ Ранее особую редакцию в списке К-Б отрицала В. П. Адрианова-Перетц.¹⁷⁶

¹⁷⁰ См. об этом: *Соколова Л. В.* Куда «шибла слава» о Куликовской битве?

¹⁷¹ Полемизируя с утверждением «скептиков», что в архетипе «Задонщины» Куликовская битва рассматривалась как поражение, Д. С. Лихачев задает вопрос: «Чем же была Куликовская битва — победой или поражением? Было или не было выступление Засадного полка, решившего исход битвы?». И отвечает, что перелом в битве реально подтверждается тем, что татары не пошли на Москву, а отступили. В Кирилло-Белозерской же версии в отличие от Пространной редакции «нет ни выступления Засадного полка, ни перелома в битве, ни отступления татар после битвы. Описание битвы прервано на половине!» (*Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве». С. 140).

¹⁷² *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 251. Следует, однако, отметить, что в другой статье, опубликованной в том же сборнике, что и названная, Р. П. Дмитриева высказывала мысль о том, что «позднейшие изменения в списке К-Б выразились прежде всего в сокращениях и утрате второй части произведения». См.: *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 263.

¹⁷³ *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 311—312.

¹⁷⁴ См.: *Никитин А. Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории «Задонщины». С. 236.

¹⁷⁵ *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». С. 111.

¹⁷⁶ В. П. Адрианова-Перетц считала все списки «Задонщины» принадлежащими одной редакции; список К-Б, по ее мнению, является сокращенным изложением той же редакции,

Д. С. Лихачев не согласился с гипотезой о дефектности протографа К-Б. По его мнению, сокращение второй части «Задонщины» — это не свидетельство дефектности оригинала Ефросиновского списка и не механическое сокращение текста им самим. Проанализировав изменения в списке К-Б, ученый заключил: поскольку в изменениях, внесенных Ефросином в текст «Задонщины», заметно творческое начало, текст списка К-Б можно считать особой редакцией — редакцией Ефросина.¹⁷⁷

Атрибутируя составление Краткой редакции Ефросину, необходимо учитывать следующее. Существование Сводной редакции «Задонщины», в которой были объединены чтения Краткой и Пространной редакций, приводит к неизбежному выводу, что либо автор Сводной редакции имел в своем распоряжении келейный сборник Ефросина К-Б 9 с текстом Краткой редакции «Задонщины» (оказавшийся к тому времени в монастырской библиотеке), либо существовал по крайней мере еще один список Краткой редакции. Это мог быть как список с Ефросиновского текста, так и его протограф. В последнем случае создателем Краткой редакции мог быть не Ефросин, а другой книжник. По мнению А. Г. Боброва, создатель контаминации «использовал не сам список К-Б, а его протограф».¹⁷⁸ Однако особый интерес Ефросина к теме борьбы с татарами (см. об этом далее), а также описанные Р. П. Дмитриевой приемы редактирования Ефросином переписываемых им текстов, которые характерны и для К-Б, довольно убедительно говорят о создании Краткой редакции «Задонщины» именно Ефросином.

Рассмотрим в заключение вопрос о том, какова была главная идея автора «Задонщины», отраженная в Пространной редакции, и по какой причине Ефросин произвел редакторские изменения первоначального текста.

III

Пространная редакция «Задонщины» в полном соответствии с традицией изображает Куликовскую битву как выдающееся событие, безусловную (сцена «стояния на костях») означает, что поле битвы осталось за русскими) и важную

сделанным по памяти. При этом исследовательница отметила по поводу К-Б, что его писец «видимо, произвольно сокращал текст, иногда в ущерб смыслу», но иногда К-Б, по ее мнению, содержит «более древние и более исправные чтения» (*Адрианова-Перетц В. П.* «Задонщина»: Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 195, 196).

¹⁷⁷ Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». С. 169—170.

¹⁷⁸ Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 81. Этот вывод сделан исследователем на основании предположения, что фраза С «обрываху шевковья опутины», отсутствующая в других списках «Задонщины», взята контаминатором из протографа Краткой редакции, близкого к архетипу «Задонщины»; в списке же К-Б эта фраза якобы была опущена. Предполагать присутствие этой фразы в архетипе «Задонщины» А. Г. Боброва вслед за Р. О. Якобсоном заставляет то, что она напоминает фразу «Слова о полку Игореве» «опуташа въ путины желѣзны», метафорически повествующую о пленении соколов-князей. Однако, как представляется, между этими фразами из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» нет взаимосвязи. Составитель сводного текста (или его переделки — списка С), знакомый с соколиной охотой, развил имевшийся в Пространной редакции «Задонщины» образ выпускаемых на охоту ловчих птиц: «...соколы, белозерския ястребы *рвахуся от златых колодец* ис каменнаго града Москвы» (И-1, л. 218 об.), добавив к этому: «*обрываху шевковья опутины*» (С, л. 38 об.). Здесь именно реальные шелковые опутины, а не железные, как в метафоре «Слова о полку Игореве».

победу. Историческое вступление в «Задонщине», в котором противопоставляются времена Каялы и Калки, с одной стороны, и время Мамаева побоища, с другой — говорит об осмыслении Куликовской битвы как долгожданной победы русских над «погаными», которая дала надежду Русской земле на освобождение от ига. Отсюда возникает и мотив славы, похвалы князьям Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу.

По блестящей догадке Д. С. Лихачева, «центральная идея „Задонщины“ — идея реванша».¹⁷⁹ Куликовская битва рассматривается в «Задонщине» как реванш за поражение русских на Каяле в 1185 г. от половцев и за поражение на Калке в 1223 г. от татар, которое положило начало завоеванию ими Руси. Именно этим объяснялось, по мнению ученого, обращение автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве», а не простым подражанием его стилю. Идея реванша отразилась в «обратном параллелизме событий, героев и художественных образов». В сближении событий прошлого и настоящего — «пафос исторического замысла» «Задонщины». Отсюда преднамеренное противопоставление в «Задонщине» конца — началу, битвы на Дону — битве на Каяле, победы — поражению. То, что в «Слове» относилось к половцам, в «Задонщине» относится к русским, а то, что относилось к русским, относится к татарам, которых в XIV—XV вв. отождествляли с половцами.¹⁸⁰ Чтобы пояснить эту идею реванша, автор «Задонщины», отмечает Д. С. Лихачев, предпослал ей предисловие, в котором признается, что хочет теперь, после одержанной на Куликовом поле победы, «возвеселить Русскую землю, возвергнуть печаль на восточную страну», т. е. на татар. Символическое противопоставление событий, разделенных веками, придавало особый смысл произведению: Куликовская битва становилась не только великим событием современности, но и приобретала символическое значение в исторических судьбах Русской земли за много столетий: «„Туга“, разошедшаяся в „Слове о полку Игореве“ после поражения по всей Русской земле, сходит с нее в „Задонщине“ после победы русских».¹⁸¹

Автор «Задонщины» еще и потому обратился к «Слову о полку Игореве», что в победе, одержанной за Доном над ордынцами, он увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника к совместной борьбе против внешнего врага: именно объединенные силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми.¹⁸²

¹⁷⁹ Лихачев Д. С. 1) «Задонщина» // Литературная учеба. М., 1941. № 3. С. 87—100; 2) Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 76—78; 3) «Задонщина» // Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 250—251.

¹⁸⁰ Д. С. Лихачев ссылается на Симеоновскую летопись, где татары названы половцами под 1378 г., а также на Летописец Переяславля Суздальского, где печенеги и половцы неоднократно называются татарами. О. В. Творогов тоже указывает, что «отождествление половцев и татар в XV в. обычно» и отсылает к Летописной повести о Куликовской битве и «Сказанию о Мамаевом побоище» (Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 338—339, примеч. 140). А. А. Горский также отметил, что «нет <...> ничего необычного в том, что автор „Задонщины“ расценивал борьбу с татарами как продолжение борьбы с половцами», поскольку половцы и татары осмыслились в источниках как родственные народы, «измаильтяне», потомки Измаила (Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 109, 116, 117).

¹⁸¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 92.

¹⁸² Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 313.

Когда могла быть создана «Задонщина»? Нижней границей является дата Куликовской битвы (1380), а верхней — дата списка К-Б (1475). Исследователи по-разному датируют памятник в этих границах. Большинство ученых второй половины XIX—первой половины XX в. датировали «Задонщину» XV в. Затем все более признанной становилась датировка «Задонщины» XIV в.¹⁸³

Рассмотрение приведенной учеными аргументации выходит за рамки настоящей статьи. Отмечу лишь, что мне представляется более верной датировка «Задонщины» XV в., которая, однако, пока недостаточно аргументирована.

Поэтическая «Задонщина», как и «Слово о полку Игореве», является публицистическим произведением. Она создана не с целью *рассказать* о Куликовской битве (как появившиеся ранее Летописная повесть и «Сказание о Мамаевом побоище», сведения которых о битве «Задонщина» использует¹⁸⁴), и не с целью подчеркнуть заслуги в победе кого-то из ее участников (в «Задонщине» всем участникам воздается одинаковая честь), а с целью *вдохновить* русских князей и их воинов на свержение татаро-монгольского ига.

Вряд ли эта цель могла быть поставлена до того, как появилась историческая возможность для Руси избавиться от татаро-монгольского ига. После Куликовской битвы русские князья признали верховную власть «нового царя» Тохтамыша, «отпустиша коиждо своих киличеевъ со многими дары ко царю Токтамышю».¹⁸⁵ Предпринятая Дмитрием Ивановичем попытка *формально* признать верховенство Орды, без уплаты регулярного «выхода», не увенчалась успехом. В 1382 г. в результате нашествия Тохтамыша на Русь были восстановлены отношения вассала и данника, выплата регулярной дани возобновилась. И в 1425 г., во время вокняжения Василия II, по словам А. А. Горского, еще «не возникало самой мысли такого рода» — покончить с зависимостью от Орды.¹⁸⁶ Вероятно, идея избавиться от ига появилась лишь после распада Золотой Орды, произошедшего в первой половине XV в., и начавшихся войн между отдельными ханствами, ослаблявшими их. «К 1449 г. Сеид-Ахмету стало ясно, что выход поступать не будет (а может быть, об этом и прямо было сказано его послам), и он открыл военные действия. С 1449 г. начинаются систематические набеги татар Орды Сеид-Ахмета на московские владения».¹⁸⁷ Примечательно, что в 1450 г. бой произошел на р. Битюг, левом притоке Дона в его среднем течении, — так далеко на юг, в степные владения Орды московские войска прежде не заходили.

¹⁸³ Историографию вопроса датировки «Задонщины» см. в статье: *Кучкин В. А.* К датировке Задонщины. С. 113—115.

¹⁸⁴ То, что «Задонщина» *не рассказывает* о событиях, а лишь упоминает события, известные читателям по историческим источникам, очевидно в целом ряде случаев. Так, о роли Засадного полка, подробно описанного в «Сказании о Мамаевом побоище», в «Задонщине» сказано одной фразой, начинающей вторую часть произведения, из которой без «Сказания» трудно было бы понять, о чем идет речь: «И нукнувъ князь Владимирь, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше» (И-1, л. 221 об.).

¹⁸⁵ Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. С. 11.

¹⁸⁶ *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 141.

¹⁸⁷ Там же. С. 147—148. При этом следует учитывать, что «походы на Русь, *санкционированные правителями Орды*, всегда имели под собой конкретные причины <...>, связанные с теми или иными нарушениями русскими князьями вассальных обязательств» (Там же. С. 147).

Вероятно, эти события побудили автора «Задонщины» вспомнить самое масштабное сражение между русскими и татарами, проходившее в районе Дона и закончившееся победой первой *общерусской* армии во главе с великим князем Дмитрием Ивановичем — Куликовскую битву, и на примере объединения русских князей в этой битве, обеспечившего победу, побудить русских князей к объединению для окончательного свержения татарского ига.¹⁸⁸ Не случайно в «Задонщине» рисуется единение русских князей — участников битвы, подчеркивается, что все они — «гнездо» великого князя Владимира Киевского. Изображаются теплые братские отношения Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, а также Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, говорится о сожалении новгородцев по поводу того, что они не могут принять участия в сражении,¹⁸⁹ и, напротив, не упоминается о предательстве Олега Рязанского, чтобы не нарушать картину единодушия русских князей.

На основании изложенного можно предположить, что «Задонщина» была создана в середине XV в. Верхней датой создания «Задонщины» можно считать, по моему мнению, 1453 г. — год падения Царьграда, к которому автор «Задонщины» устремлял славу о победе русских воинов в Куликовской битве.

Постараемся теперь понять причины, побудившие Ефросина создать новую редакцию «Задонщины».

Р. П. Дмитриева в своем исследовании приемов редакторской правки Ефросина не говорит о том, *почему* Ефросин сократил текст Пространной редакции «Задонщины», отметив, что она обращает внимание на то, *как* были сделаны изменения, а *не на причины*, побудившие вносить их, и не на результаты редакторской правки.¹⁹⁰

Д. С. Лихачев по поводу цели редакторских изменений текста «Задонщины» в К-Б в 1976 г. написал следующее: «Я думаю, что смысл списка *Кб* состоял в поминании павших к столетию Куликовской битвы. Для этого текст „Задонщины“ сокращен, особенно в своей второй части. Для этого пополнен по другому источнику список убитых, для этого же вставлена выдержка из „Слова о погибели Русской земли“. Перестановки в тексте списка *Кб* также отчасти объясняются этим его назначением: поскольку перечисление убитых составляет смысл и конец текста, эпизод с Пересветом и Ослябей переставлен перед перечислением убитых. Плач жен по убитым по этим же причинам помещен после перечисления убитых. Наконец, по этим же причинам произведена вставка даты битвы — 8 сентября; она же — дата поминания убитых в церкви. Характерно и важно, что вставка из „Слова о погибели Русской

¹⁸⁸ Показательно, что Куликовскую битву вспоминали и позднее, во время знаменитого «стояния на Угре» в 1480 г., ознаменовавшего падение татаро-монгольского ига. В послании на Угру великому князю Ивану III ростовский архиепископ Вассиан Рыло ставит ему в пример князя Дмитрия Донского, который «не усумнеся, ни убоясь татарского множества, не обратяся въспять», и призывает Ивана III: «... тако же подцися избавити стадо Христово от мысленнаго волка» (ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 269—270).

¹⁸⁹ Сообщение об их участии в битве — позднейшая вставка составителя Пространной редакции, неумело включенная им в текст. Аргументы С. Н. Азбелева в пользу того, что новгородцы принимали участие в Куликовской битве (см.: *Азбелев С. Н.* Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 142—150), не представляются мне убедительными.

¹⁹⁰ *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 266.

земли“ теряет свой бравурный смысл, который это место имело в „Слове“, и приобретает смысл оплакивания погибших всей Русской землей и окружающими ее странами именно в *Кб*. <...> В списке *Кб* отсутствует упоминание о „славе“, „похвале“ и о победе над Мамаем.¹⁹¹

По всей видимости, причина создания Ефросином новой редакции была более глубокой. Перед нами *идеологическая* редакция, новое осмысление Куликовской битвы, ее значения для дальнейшей судьбы Русского государства и его взаимоотношений с Ордой.

Ефросина интересовала тема борьбы с татарами, она занимает в его сборниках особое место. В сборнике К-Б 9, где им была переписана «Задонщина», Ефросин поместил на л. 129—129 об. перечень татарских набегов начиная с 1377 г. (битвы на реке Пьяне) и кончая пожаром Москвы 10 апреля 1453 г. Аналогичный (хотя и не совпадающий полностью) перечень помещен и в сборнике К-Б 22 на л. 440—440 об. В приписке, которой Ефросин завершает «Задонщину», он ретроспективно обращается к тем событиям, которые произошли после Куликовской битвы.¹⁹² В частности, Ефросин сообщает, что уже через два года после «Задонщины» была «Тахтамышевщина» (так в К-Б) — в 1382 г. Тохтамыш «взя Москву и много зла сътвори». Ефросин прекрасно знал, что и во второй половине XV в., несмотря на распад и ослабление, Орда не оставляла притязаний на Москву. И хотя московский великий князь Иван III, вступив на престол в 1462 г., вел себя совсем не как верный вассал,¹⁹³ официально Русь освободилась от ига только в 1480 г.

Куликовская битва была в сознании Ефросина значительным и памятным событием. В 1480 г. в цитировавшейся «юбилейной» записи Ефросин отмечает, что прошло сто лет со дня битвы на Дону.¹⁹⁴ Тем не менее, вспоминая

¹⁹¹ Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». С. 169—170; То же: Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины». С. 285—286.

¹⁹² Источником этой приписки к «Задонщине» является Краткий летописец в ефросиновском сборнике К-Б 22 (большая часть текста Краткого летописца была позднее вырвана из К-Б 22 и вплетена в сборник РНБ, собр. Погодина, № 1554). Все пометы в Летописце сделаны рукой Ефросина (составление его Ефросином оспаривается в настоящее время С. Н. Кистеревым), и в «Задонщину» он вписывает текст Летописца уже с учетом внесенной правки.

¹⁹³ Иван III, вступив на престол, не приезжал в Орду за ярлыком сам и не присылал своих представителей, не было и соответствующих «поминков», т. е. подарков, взяток и пр. См.: Почекаев Р. Ю. Цари Ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 223 (2-е изд., доп. СПб., 2012). Летом 1472 г. Ахмад вторгся в русские земли, совершив свой первый поход против Ивана III, но русские войска не дали ему форсировать Оку. Неудачный поход лишь убедил Ивана III в слабости хана и побудил его отказаться от признания зависимости и выплаты ордынского «выхода». В последующие годы, несмотря на регулярный обмен посольствами, Ахмад не смог добиться возобновления выплаты дани от Москвы. Предпринятый им в связи с этим в 1480 г. поход на Москву не только не увенчался успехом, но и положил конец татаро-монгольскому игу в результате бескровного «стояния на Угре».

¹⁹⁴ По мнению В. А. Кучкина, переписывание и редактирование Кирилло-Белозерского списка «следует связывать не со столетним юбилеем Куликовской битвы, на чем иногда настаивают исследователи, а с активизацией политики Ивана III в отношении государств — преемников Золотой Орды: Казанского ханства и Большой Орды. Начавшаяся в 1468 г. война с Казанью, нападение летом 1472 г. хана Большой Орды Ахмата на Алексин, прекращение около того же года выплаты дани Большой Орде, видимо, возбудило в русском обществе той поры интерес к прошлым взаимоотношениям Руси и Орды» (Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 358). Однако одно другому не противоречит. Скорее всего, историческая обстановка 1470-х гг. заставила вспомнить и о Куликовской битве, и о ее столетии.

спустя сто лет Куликовскую битву, Ефросин отказывается преувеличивать ее историческое значение для дальнейшей судьбы Русской земли. Ведь когда он переписывал «Задонщину», Русская земля по-прежнему была «тугою и печалию покрыта».

Поскольку Ефросин воспринял публицистическую «Задонщину» как историческое произведение (не случайно он внес в текст дату битвы и добавил имена погибших), то ему, естественно, показались явным преувеличением, неоправданной похвальбой слова второй части «Задонщины» о том, что в результате Куликовской битвы «уныша бо *царемъ их* [не только Мамаю] хотѣние и похвала на Рускую землю ходити» (И-1, л. 222 об.), что «уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские» (У, л. 190). Слова о том, что после Куликовской битвы «встонала земля татарская, бедами и тугою покрывшася» (И-1, л. 222 об.), тоже не соответствовали действительности, так как Тохтамыш, придя к власти, как раз прекратил 20-летнюю «замятню», объединил и укрепил Золотую Орду. Поэтому Ефросин, редактируя «Задонщину», убрал из нее «похвальбу». В заключительной части произведения он даже подчеркнул *отсутствие славы*, она *поникла*: в плаче жен вместо «уже веселье пониче въ славнѣ гради Москвѣ» (И-1, л. 220 об.) в К-Б читается: «...уже наша слава пониче в славнѣ городѣ Москвѣ» (К-Б, л. 128 об.). Ефросину, как монаху, представлялось уместным и важным сохранить память о Куликовской битве и сто лет спустя помянуть русских воинов, которые храбро бились за Русскую землю и за веру христианскую и многие из которых погибли.

Ефросин из «жалости и похвалы» превращает «Задонщину» просто в «жалость». Он опустил вторую часть памятника — описание победной части боя, сообщение о бегстве Мамаю, сцену «стояния на костях» и закончил свою редакцию плачем русских жен по погибшим воинам. По этой же причине Ефросин сознательно сокращает предисловие к «Задонщине», ибо историческая ретроспекция (противопоставление печали Русской земли в прошлом радостному настоящему) противоречила его осмыслению значения Куликовской битвы для дальнейшей судьбы Русской земли. Этим объясняется и замена заглавия произведения. Если в первоначальном тексте (судя по спискам Пространной редакции и Синодальному списку) в заглавии содержалось определение этого памятника как «похвалы», похвального «слова» Дмитрию Донскому и его брату, Владимиру Серпуховскому, то Ефросин называет сочинение о битве на Дону «Задонщиной», перенося название битвы на название произведения о ней (т. е. просто рассказ о битве на Дону). О том, что это заглавие принадлежит именно Ефросину, свидетельствуют, как уже отмечалось исследователями, подобные названия битв, использованные Ефросином в той выписке из Краткого летописца, которой он завершает «Задонщину»: Мамаевщина, Тохтамышевщина. Исходя из своего осмысления Куликовской битвы, Ефросин изменяет и фрагмент, в Пространной редакции повествовавший о славе, похвале князьям, которая «шибла» на восток и на запад. Согласно К-Б, по землям разносится весть не о победе над Мамаем, а о кровопролитном сражении, о том, что «поля костями насѣяны, кровью полиано». В соответствии с новыми историческими реалиями (падением Царьграда) и новым осмыслением Куликовской битвы в Краткой редакции изменен и список городов, к которым шла весть о Куликовской битве.

Итак, подведем итоги.

К настоящему времени можно считать установленным факт существования нескольких редакций «Задонщины». Это — недошедшая *Первоначальная* (авторская) редакция; *Пространная* редакция, представленная четырьмя списками (У, И-1, И-2, Ж), в которой первоначальный текст распространен и в некоторых случаях переработан; *Краткая* редакция, представленная Кирилло-Белозерским (Ефросиновским) списком, в которой первоначальный текст сокращен (в том числе опущена вторая часть) и существенно изменен; недошедшая *Сводная* редакция, отразившаяся в позднейшей ее переработке — *Синодальной* редакции (список С).

Сопоставление Краткой и Пространной редакций приводит к выводу, что архетипные чтения в одних случаях сохранила Краткая, а в других случаях Пространная редакция.

Чтения, близкие к чтениям «Слова о полку Игореве», содержит как Пространная, так и Краткая редакция. Наибольшее число заимствований из «Слова о полку Игореве» содержал авторский текст «Задонщины», который был по-разному изменен в Краткой и Пространной редакциях памятника.

Тот факт, что Краткая редакция не может считаться первоначальной и что между Краткой и Пространной редакциями «Задонщины» нет прямой зависимости (обе они независимо друг от друга восходят к Первоначальной редакции, архетипу «Задонщины»), заставляет признать излишней и ошибочной гипотезу о создании Пространной редакции на основе Краткой с повторным привлечением «Слова о полку Игореве», выдвинутую впервые Е. В. Барсовым и поддержанную в 2008 г. А. Г. Бобровым.¹⁹⁵

---

¹⁹⁵ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. С. 438—439; Бобров А. Г. «Заколдованный круг». С. 87—101.